

054

Воскресенье, 19 Декабря!

Театръ и Искусство

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

1904 годъ.

VIII годъ изд.

ДЖЕММА БЕЛЛИНИОНИ
къ ея гастроямъ въ „Новои оперъ“

№ 51.

MS

АДРЕСНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Съ перваго Января 1905 г., для облегченія сношеній, разсѣянныхъ по всей Россіи, сценическихъ дѣятелей, редакция журнала „Театръ и Искусство“ вводитъ адресный листокъ для своихъ подписчиковъ, за вполне доступную цѣну (1 руб. за адресъ въ теченіе всего года, т. е. въ 52 №№).

Адресъ можетъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, амплуа, мѣстожителство, со всеми въ теченіе года перемѣнами адреса.

Сценическіе дѣятели, не состоящіе подписчиками журнала и желающіе пользоваться адреснымъ листкомъ, платятъ за годовой адресъ—3 рубля.

Отъ редакціи.

Въ ближайшихъ номерахъ „Театра и Искусства“ за 1905 г. будутъ, между прочимъ, напечатаны: „Маленькій романъ“, п. въ 1 д. *С. А. Найденова*; „Крылья связаны“, пьеса въ 4 д. *Л. Н. Потанинко*; „Весенній потокъ“, пьеса въ 4 д. *И. Косоротова*; „Необыкновенный человекъ“ („Der Meister“) п. въ 4 д. *Бара*, пер. *З. Венеровой*; „Эльга“ новая пьеса *Г. Гауптмана*; „Жарь-птица“, новая комедія въ 4 д. *В. О. Тразтенберга*; „Монологи и діалоги“ *В. В. Бимбинѣ* (двѣ серіи) для любительскихъ спектаклей, дивертисментовъ и пр.; „Рабы“, пьеса въ 4 д. *И. Платона*; „Попрыгунья“, сцена въ 1 дѣйстви. *П. Невъжина* и друг. „Офелія“, этюдъ *В. П. Далматова*, статьи *А. Л. Волинскаго* и др. Воспоминанія *П. М. Медендева*; Воспоминанія *П. А. Стрелетовой*; „Искусство монолога“, *Жоклена*; „Лит. обзорѣнія“ *А. А. Измайлова*.

СОДЕРЖАНІЕ: „Чистая отставка“.—Налогъ на театры, *В. Быховскаго*.—Хроника театра и искусства.—Маленькая хроника.—Письма въ редакцію: *Г. Найденова*, Елецкаго уполномоченнаго и др.—О театральномъ ремаркѣ. *Ш. Импрессиониста*.—Нельзя молчать. *А. Ростиславова*.—Безпокойный человекъ. *И. Попова*.—Театральныя замѣтки. *А. Кузеля*.—Письма изъ Саратова, *Оба*.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.—Рисунки: „Жанина“ (3 рис.), „Сегодня“, Г-жа Домашева (шаржъ), „Авдотьяна жизнь“.—Портреты: † Мурской-Смирновой, Я. И. Минскаго, г-жи Ильнарской, Зонненталя (3 портр.), Беллинчioni—на обложкѣ.

Приложеніе: кн. XXIV. Они пришли!.. (Святоточный разсказъ). *Влад. Тихонова*.—Литературныя замѣтки. *А. Измайлова*.—60 лѣтъ на сценич. подмосткахъ. (Восп. *П. М. Медендева*) (продолж.).—Стихотвореніе *Зои Бужаровой*.—Къ столѣтію театральныхъ представленій въ Одессѣ. *І. А. Горновскаго*. „Женихъ“, комедія въ 1 д. *А. Шмитлера*, перев. *Э. Маттерна*—Режиссерскія приемы къ пьесѣ „Женихъ“.—„Побѣдитель“, комедія въ 4 дѣйст. *Ветихія Карпова*.

Открыта подписка на 1905 годъ

НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“

(IX-й годъ изданія).

52 №№ ЖУРНАЛА 24 КНИГИ „БИБЛИОТЕКИ“. Въ библиотекѣ будутъ помѣщены около 30 новыхъ репертуарныхъ пьесъ, романы, повѣсти, статьи научно-популярнаго содержанія. 2—3 выпуска „словаря сценическихъ дѣятелей“. Нотныя приложенія.

7 руб. — годъ, 4 руб. — полгода.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ: 8 руб. при подпискѣ и по 2 руб. къ 1 апрѣля и 1 іюня.

Адресъ Главной Канторы и Редакціи: Спб. Мохвая, 45. Телеф. № 1669. Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской, въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго—въ пассажѣ.

Отдѣльные №№ продаются по 20 к.
Объявленія—40 к. со строки петита позади текста и 50 к. спереди.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА „Театра и Искусства“: въ С.-Петербургѣ—въ кіоскахъ Пташникова, въ кн. маг. „Новаго Времени“, „Музыкальный Миръ“ (Морская, 19), Риккеръ (Невскій, 14), Віоліт (М. Коюшешная, 16-26), Мелье (Невскій, 20) въ театральной библиотекѣ Н. С. Волкова-Семенова, въ Пассажѣ, въ канцеляріи Театральн. Общества и др.; въ Москвѣ—

въ кіоскахъ г. Анисимова, Просина, въ конторѣ Н. Печковской, въ бюро Театр. Общ. и др.; въ Кіевѣ—въ кіоскѣ „Юго-Западная Недѣля“ (уг. Крещатика и Прорѣзной) и въ конторѣ „Прима“ (Нестеровская ул., 29); въ Одессѣ—въ кн. маг. С. В. Можаровскаго (Пассажъ) и въ кіоскахъ Е. Е. Свистуновой; въ Харьковѣ—въ магазинахъ „Трудъ и Забава“ (Сумская, около драмат. театра) и Дредера (Московск. ул.) въ Кишиневѣ—у Д. І. Криммера (Пушкарская д. Шварцмана) и на всѣхъ станціяхъ жел. дор.

Правила редакціи: рукописи, доставленныя безъ обозначенія гонорара, считаются бесплатными. Мелкія рукописи не сохраняются.

Словарь

СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

(выпуски за прежніе годы) для гг. подписчиковъ журнала „Театра и Искусства“ высылаются за 2 р. съ пересылкой.

„Б А Б Ъ“,

пьеса И. Гриневской, ц. 2 руб.

6291

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

5—2

ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

приглашаетъ желающихъ снятъ автрепризу городского театра, срокомъ на 2-а года сезона (считая съ 1 сентября 1905 г. по день Великаго Поста и 2-й сезонъ съ 1 сентября 1906 г. по день Великаго Поста). Первый сезонъ—оперу, второй—драму. Для оперы имѣются при городскомъ театрѣ: для 40 оперъ костюмы, декорации, оркестровка и проч. За условіями обращаться въ Управу; заявленія будутъ приниматься до 20 января 1905 года.

С.-Петербургъ, 19 декабря 1904 г.

Елецкій уполномоченный Театрального Общества, А. А. Петровъ, получилъ, какъ читатели могутъ убѣдиться изъ печатаемаго ниже письма его, — „чистую отставку“. Напомнимъ вкратцѣ обстоятельства дѣла: А. А. Петровъ предложилъ Совѣту выданныя имъ *изъ собственныхъ средствъ* вспомошествованія нуждающимся актерамъ взыскать по представленнымъ распискамъ, съ тѣмъ, чтобы деньги эти шли на удовлетвореніе „острой нужды“ сценическихъ дѣятелей, по усмотрѣнію уполномоченныхъ. Совѣтъ съ этимъ не согласился, быть можетъ, по весьма резоннымъ основаніямъ, не желая создавать себѣ особья хлопоты. Но какъ видно, Совѣтъ считаетъ подобныя „взгляды“ уполномоченныхъ (т. е. право послѣднихъ выдавать *изъ своихъ средствъ* вспомошествованія) столь „революціонными“, что не оставилъ даже предъ явно обиднымъ для А. А. Петрова, и со всяческой точки зрѣнія незаслуженнымъ, устраненіемъ его отъ должности уполномоченнаго. Если судить по отчетамъ Т. О., то случаи устраненія уполномоченныхъ, по предложенію Совѣта, крайне рѣдки, и вызывались дѣянiami, близкими къ недобросовѣстности. Въ случаѣ съ А. А. Петровымъ мы видимъ, что *принципіально* разногласіе по вопросу о выдачѣ вспомошествованія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ изъ кармана уполномоченнаго — какъ бы равняется недобросовѣстному поступку.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ выразилось явное стремленіе приравнять уполномоченныхъ къ какому-то служащимъ по найму канцеляристамъ, которымъ не должно смѣть свое сужденіе имѣть. Между тѣмъ „уполномоченные“ вознагражденія не получаютъ, наоборотъ, сами частенько доплачиваютъ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отдають и время, и средства свои на служеніе провинціальному театру изъ любви и преданности самому дѣлу. Воодушевленіе, охватившее нѣсколько лѣтъ назадъ театраловъ, которымъ открылись широкія перспективы по устроенію и упорядоченію театра, привлекли въ ряды уполномоченныхъ весьма многихъ независимыхъ и просвѣщенныхъ людей. Если позволено будетъ прибѣгнуть къ аналогіи, то мы бы сравнили значительную часть первыхъ уполномоченныхъ съ мировыми посредниками „перваго призыва“. Но едва ли требуется объяснять, что, водворяя аракеевскую дисциплину и лишая уполномоченныхъ не только свободы дѣйствій, но и *свободы мысли* („вслѣдствіе несоотвѣтствія взглядовъ“, какъ сказано въ отношеніи), Совѣтъ очень быстро очиститъ ряды уполномоченныхъ отъ независимыхъ и уважающихъ себя людей, и въ весьма непродолжительномъ времени искательные, тщеславные и дорожащіе правомъ хожденія за кулисы, мелкіе губернскіе и уѣздные бюрократы составятъ главный контингентъ уполномоченныхъ.

Въ довольно фальшивомъ и прискорбномъ положеніи оказывается и та „высшая мѣстная административная власть“, „по указанію“ которой производится назначеніе уполномоченныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, принято такъ думать, да такъ оно и есть, и именно съ бюрократической точки зрѣнія, что разъ „по указанію“ совершается назначеніе, то „по указанію“ же, или по крайней мѣрѣ, съ согласія „указывающаго“, происходитъ и устраненіе. Случай

съ А. А. Петровымъ даетъ порядку увольненія уполномоченныхъ совсѣмъ другой видъ. Выходитъ такъ: Совѣтъ проситъ губернатора „указать“ достойное, по его мнѣнію, лицо, а затѣмъ рѣшаетъ, что „достойный“, по мнѣнію губернатора, человекъ, недостойнъ, уже безъ всякаго сношенія съ губернаторомъ. Въ какомъ же положеніи оказывается губернаторъ? Мы съ самаго начала считали „указанія мѣстной административной власти“ совершенно неправильнымъ и ни съ какой стороны съ дѣятельностью общества, управляемаго *выборнымъ* Совѣтомъ и общими собраніями, не вяжущимся пріемомъ. Но прининая факты какъ они есть не можемъ не выразить искренняго состраданія къ той печальной роли „высшей мѣстной административной власти“, которую создаютъ случаи, въ родѣ устраненія А. А. Петрова. Надо думать, что едва ли „высшая мѣстная административная власть“, при такихъ условіяхъ, пожелаетъ принимать на себя роль „указывателей“.

Все это очень печально. Великія жертвы, которыя приносятъ многіе дѣятели Театрального Общества, и во главѣ ихъ почтенный вице-президентъ А. Е. Молчановъ, дали бы гораздо большіе результаты, если бы жизнь этого *общественнаго* организма не втискивалась въ Прокрустово ложе, истыканное острыми гвоздями бюрократизма...

Пожертвованія въ пользу дѣтскаго пріюта Т. О. взаимнѣ посылки визитныхъ карточекъ принимаются до **28 декабря**; списокъ жертвователей будетъ приложенъ къ I № за 1905 г. — 2 января.

„Театръ и Искус.“ уже дважды обсуждалъ вопросъ объ обложеніи налогомъ театровъ и зрѣлищъ. Авторы этого проекта, очевидно, весьма далеки отъ театральной жизни, если въ ихъ головахъ могъ явиться проектъ налога, болѣе всякаго другого противорѣчащаго какъ самымъ основамъ науки о финансахъ, такъ и элементарнымъ представленіямъ о задачахъ культурныхъ учреждений въ Россіи и надлежащемъ отношеніи къ нимъ со стороны прадительственныхъ учреждений, въ томъ числѣ и министерства финансовъ.

Непониманіе культурной роли театра сказалось уже прежде всего въ томъ, что составители проекта мотивируютъ обложеніе театровъ тѣмъ, что современный театръ будто бы „никакими серьезными художественными цѣлями не задается и преслѣдуетъ чисто коммерческія цѣли на ряду со всѣми торговыми промышленными предпріятіями“.

Не говоря о болѣе или менѣе отвлеченныхъ, историко-литературныхъ соображеніяхъ, которыя въ корнѣ противорѣчатъ этому воззрѣнію на театръ, и оставаясь на почвѣ чисто практической, мы думаемъ, что казалось бы, инициаторамъ мѣропріятія, предлагаемаго правительству, не мѣшало бы ознакомиться, по крайней мѣрѣ, со взглядами самого правительства на предметъ, о которомъ они берутся толковать.

Думается, что если бы правительство не признавало серьезнаго просвѣтительнаго значенія за театрами, въ томъ числѣ и за театрами частными, оно

не оказывало бы имъ вспомошествованія какъ въ видѣ правительственныхъ субсидій въ цѣломъ рядѣ городовъ (мы не говоримъ уже здѣсь объ общественномъ отношеніи къ театру, а слѣдовательно, и о субсидіяхъ органовъ общественнаго управленія, которыя получаютъ многими провинціальными театрами), такъ и въ видѣ тѣхъ ежегодныхъ выдачъ изъ Государственнаго Казначейства Императорскому Русскому Театральному Обществу въ размѣрѣ 10,000 р., которыя производятся по Высочайшему повелѣнію, согласно доклада Министра внутреннихъ дѣлъ.

Но не довольно ли аргументовъ? Не толкаемся ли мы въ открытую дверь, доказывая имъ просвѣтительную роль театровъ? Можетъ быть, они все это и сознаютъ, но соблазняются великими и богатыми финансовыми милостями, которыя посыпятся въ государственную казну, какъ только догадаются открыть новый источникъ дохода?

Но въ такомъ случаѣ, они должны жестоко разочароваться. Обратимся къ холодному, но убѣдительному языку цифръ, призовемъ на помощь, въ данномъ случаѣ бѣдную, къ сожалѣнію, но все же краснорѣчивую статистику.

Допустимъ, что налогъ обниметъ даже всѣ безъ исключенія русскіе театры и зрѣлища. Что онъ дастъ казнѣ?

„Всего увеселительныхъ заведеній числится въ Россіи 2134, въ томъ числѣ:

клубовъ	768
военныхъ и морскихъ собраний	272
собственн. театровъ	216
концертныхъ залъ	42
цирковъ	32
обществъ драматическихъ, литературныхъ, разныхъ видовъ спорта и др.	612
садовъ съ платою за входъ	163

Первое мѣсто по числу увеселеній между губерніями принадлежитъ Лифляндской (198 увеселительныхъ мѣстъ), затѣмъ слѣдуютъ губерніи: С.-Петербургская (154), Курляндская (125), Херсонская (81), Эстляндская (61), Кіевская (54), Таврическая (53).

Собственно театровъ имѣется въ Европейской Россіи 189, на Кавказѣ 15, въ Сибири 9, въ среднеазиатскихъ владѣніяхъ—3. („Русскій театр“. Э. С. Т. 55, стр. 717)“.

Опредѣлить цифру чистой доходности всѣхъ этихъ 2134 увеселительныхъ мѣстъ, а слѣдовательно, и возможную сумму поступленій проектируемаго налога, въ настоящее время нѣтъ никакой возможности. Но допустимъ самое невѣроятное, возьмемъ максимальныя цифры, даже прямо невозможныя съ точки зрѣнія каждаго, мало-мальски знакомаго съ театральнымъ дѣломъ въ Россіи; допустимъ, словомъ, что для антрепренеровъ и всякаго рода общественныхъ и частныхъ организаторовъ увеселеній открылась Калифорнія, и посмотримъ, что могло бы получить правительство, пожертвовавшее всѣми здоровыми основами финансоваго дѣла, даже съ этихъ золотоносныхъ театральныя россыпей.

Допустимъ, что каждое изъ этихъ учреждений вложило въ дѣло капиталъ въ среднемъ десять тысячъ рублей. Такимъ образомъ, общій капиталъ, пущенный *веселящейся* (съ точки зрѣнія составителей проекта, *только веселящейся*) Россіей въ театральновеселительный оборотъ, составитъ 21.340,000. Предположимъ далѣе, что не только ни одинъ театръ, ни одно увеселительное мѣсто не дало убытку, но всѣ они работали съ прибылью, которая въ среднемъ дала чистаго дохода съ этого капитала даже не менѣе 10%. При этихъ условіяхъ театральновеселительное дѣло въ Россіи дастъ подлежащій

обложенію капиталъ въ суммѣ 2.134,000 руб. Пусть этотъ чистый доходъ будетъ обложенъ максимальнымъ сборомъ въ 10%, и такимъ образомъ казна получитъ 213,400 р. Допустимъ далѣе, что кромѣ 10% сбора съ прибыли, театры и увеселительныя мѣста будутъ платить и основной промысловый налогъ въ такой же суммѣ, и такимъ образомъ проектируемый налогъ дастъ русскому государственному казначейству всего 426,800 руб. И это при двухмиллиардномъ бюджетѣ! И это при допущеніи цифръ самыхъ невѣроятныхъ! И ради этихъ крохъ—отказаться отъ всѣхъ принциповъ, отразившихся даже на дѣйствующемъ весьма строгомъ Положеніи 8 іюня 1898 г., категорически освободившемъ отъ обложенія театры, цирки, всякаго рода зрѣлища и увеселенія, которыми, кстатіи сказать, такъ бѣдна Россія, сравнительно съ культурными государствами Запада!

А между тѣмъ вынете эти крохи изъ кармана полудишаго русскаго антрепренера и вы увидите, какъ онъ ихъ сейчасъ же вынетъ изо рта голоднаго русскаго актера, какъ онъ и теперь, скупящійся по бѣдности (мы говоримъ объ общемъ типѣ, а не объ отдѣльныхъ шести-семи на всю Россію капиталистахъ театральнаго дѣла) на порядочную постановку пьесъ, тотчасъ же обрѣжетъ и своего режиссера, и декоратора, и хоръ, и оркестръ и т. д. А что Театральному Обществу придется туго отъ усилившихся въ мѣру налога требованій разоренныхъ антрепренеровъ и бѣдствующихъ актеровъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и получаемые имъ нынѣ изъ той же казны 10,000 р. окажутся уже не субсидіей, а совершенно ничтожнымъ возмѣщеніемъ театральныя потери.

Закону свою замѣтку пожелаемъ, чтобы, пока не поздно, представители русскихъ театровъ, и особенно Совѣтъ Театральнаго Общества, поспѣшили возбудить передъ Министерствомъ Финансовъ ходатайство объ оставленіи безъ послѣдствій проекта, столь серьезно грозящаго и принципу уваженія къ театру, какъ учрежденію просвѣтительному, и его материальнымъ интересамъ.

В. Выговскій.

ХРОНИКА ТЕАТРА И ИСКУССТВА.

Слухи и вѣсти.

— Изъ общества драматическихъ писателей въ союзъ пѣрешли съ 1-го января 1905 г. наследники Салова, г-жа Чюмина и И. М. Ивановъ (композиторъ).

— Г. Кривцовъ, недавно вернувшійся изъ мало-удачной поѣздки по Западному краю, снова отправляется въ тѣ же края. Больше всего спектаклей предложено дать въ Варшавѣ. Подзь—роковой городъ въ прежней поѣздкѣ—нынѣ изъ маршрута вычеркнуть.

— Какъ намъ сообщаютъ, виленская драматическая труппа, по инициативѣ г. Карамазова, отправила въ Совѣтъ Т. О. коллективное заявленіе, въ которомъ отказалась подписать циркулярное предложеніе Совѣта объ обязательствѣ не поступать на службу къ антрепренерамъ, коимъ отказано въ посредничествѣ Бюро.

— Побѣгъ антрепренера... 11-го декабря въ театрѣ „Неметти“ шла опера „Риголетто“. Сборъ былъ очень приличный. Два дѣйствія прошли благополучно. Но затѣмъ антрактъ длился около 1/2 часа. Публика стала высказывать недовольство и вызывать антрепренера или режиссера. Наконецъ занавѣсъ поднялся, и какой-то молодой человѣкъ объявилъ, что въ виду внезапной болѣзни гг. артистовъ, спектакль отменяется.

Оказывается, что эта внезапная болѣзнь гг. артистовъ вызвана исчезновеніемъ антрепренера г. Головацкаго.

— Въ составъ труппы Бр. Адельгеймъ, открывающей спектакли въ театрѣ „Неметти“ 18 декабря, вошли: г-жи Макси-

мова, С. Чаруская, Горичева и др.; гг. Никольскій-Федоровъ Мартовъ и др.

— Среди артистовъ с.-петербургскаго попечительства о народной трезвости возникла благая мысль объ устройствѣ при Народномъ Домѣ нѣчто вродѣ дѣтскаго сада или яслей для своихъ дѣтей. Предполагается отчислять ежемѣсячно по 1% отъ жалованія съ тѣмъ, чтобы на эти деньги пригласить одну или двухъ учительницъ, и приобретать игры и различныя пособія для дѣтскаго сада. Кроме того, артисты вошли съ ходатайствомъ къ высшей администраціи попечительства о разрѣшеніи давать ежегодно одинъ спектакль въ Народномъ Домѣ, сборъ съ котораго поступалъ-бы на образованіе основнаго фонда.

— Послѣ долгихъ размышленій и переговоровъ вопросъ объ оперныхъ спектакляхъ въ Народномъ домѣ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Открытіе спектаклей назначено на 2 января „Жизнью за Царя“. Въ составъ труппы, изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ именъ, вошли: г-жа Соколовская (бывшая арт. Императ. москов. оперы) сопрано: меццо-сопрано Корецкая, Шау; тенора: Корниловъ, Василевичъ и др.; баритоны: Амирджанъ, Ермаковъ, Драгошъ (онъ же завѣдующій хозяйств. частью); басы: Парамоновъ, Троицкій, Марьяшевъ и много другихъ именъ молодежи. Репертуаръ по преимуществу русскій.

— Въ недалекомъ будущемъ на балетной сценѣ предстоятъ два бенефиса: капельмейстера г. Дриго и балерины О. I. Преображенской. Для бенефиса г. Дриго будетъ возобновленъ бал. „Талисманъ“, а въ программу бенефиснаго спектакля г-жи Преображенской войдутъ балеты: „Капризы бабочки“, „Странствующая танцовщица“ и дивертисментъ.

Режиссеромъ въ „Новый театрѣ“ приглашенъ Я. И. Шмитовъ.

* * *

Московскія вѣсти.

— „Весенній потокъ“, новая пьеса И. Косорова, шедшая въ театрѣ Корша въ бенефисъ г. Яковлева, имѣла несомнѣнный крупный успѣхъ.

„Со времени Найденова коршевскій театрѣ не былъ свидѣтелемъ такихъ овацій, какія вчера устраивались автору „Весенняго потока“—съ перваго акта и до послѣдняго. Громъ аплодисментовъ и прямо восторженные вызовы: „автор!“

Вся пьеса свѣжа и оригинальна той свѣжестью, какую сообщаетъ литературному произведенію страстное стремленіе автора сказать свое, выношенное въ сердцѣ и въ головѣ, живое слово.

Протестъ противъ мѣщанскаго доктринерства, мертвящаго жизнь, противъ разсудочныхъ „строителей жизни“, которые въ сущности являются ея гасителями, — протестъ понятный и близкій сердцу зрителя.

Зато положительныя идеалы автора далеко неясны“.

(„Русск. сл.“).

„Интересная пьеса. Такъ сказать, усугубленные отцы и дѣти. Отцы усугублены саномъ, властью. Дѣти—буйнымъ порывомъ къ свободѣ. Бичуются трусость, рабское преклоненіе передъ обстоятельствами. Раздается призывъ къ жизни полной, вольной, свободной. Все это, если не словами, то идеями Горькаго. Много нарочито придуманнаго, грубая погрѣшность противъ жанра, но много хорошихъ словъ. Много нерва въ рѣчахъ дѣтей. Бодрая и бодрящая пьеса“.

(„Нов. Дн.“).

— 18-го декабря въ Большомъ театрѣ устраивается концертъ въ пользу убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ.

— Артистъ Малаго театра И. М. Ленинъ призванъ изъ запаса на службу.

— Общество любителей русской словесности предприняло изданіе Грибоѣдовскаго и Чеховскаго сборниковъ и трудовъ своей Пушкинской комиссіи.

* * *

13-го декабря въ Петербургѣ скончалась хорошо извѣстная въ провинціи драматическая артистка Марія Владиміровна Мурская-Смирнова (супруга артиста новаго театра А. А. Мурскаго).

Покойная пробыла на сценѣ около двадцати лѣтъ и за это время служила во всѣхъ центральныхъ городахъ Россіи, а также на Дальнемъ Востокѣ, — во Владивостокѣ и Портъ-Артурѣ. Еще недавно М. В. исполняла роль Гурмыжской (Лѣсъ) въ народномъ домѣ графини Паниной.

Послѣдній сезонъ покойная нигдѣ не служила, отдавшись всецѣло воспитанію своихъ двухъ дѣвочекъ. Артистическая семья въ лицѣ М. В. потеряла достойнаго, добраго, честнаго товарища, которому были близки радости и горе актерскія.

* * *

Недавно исполнилось 35-ти-лѣтіе дѣятельности музыкально-издательской фирмы „В. Бессель и К^о“. Фирма основана осенью 1869 года Вас. Иван. Бесселемъ вмѣстѣ съ его братомъ Ив. Васил. Бесселемъ. Братья Бессель начали свою дѣятельность въ то время, когда единственнымъ серьезнымъ издателемъ сочиненій русскихъ композиторовъ въ Россіи былъ Ѳ. Т. Стелловскій въ С.-Петербургѣ. Первымъ крупнымъ издательскимъ предпріятіемъ фирмы Бессель было соглашеніе съ А. Г. Рубинштейномъ.

Съ 1885 по 1888 г. фирма Бессель издавала музыкальный журналъ „Музыкальное Обзоріе“, при ближайшемъ участіи Ѳ. А. Кюи и Г. А. Лароша. Однако этотъ журналъ, несмотря на участіе цѣнныхъ сотрудниковъ, успѣха не имѣлъ не только въ большой публикѣ, но и въ музыкальномъ мірѣ.

* * *

Намъ сообщаютъ изъ Кіева. Сообщаю чрезвычайно сенсационный фактъ: владѣлецъ театра „Соловцовъ“, извѣстный мѣстный общественный и финансовый дѣятель г. Бродскій рѣшилъ безповоротно, повидимому, эксплуатировать свой театрѣ лично, не сдавая его другому лицу. Поводомъ для такого не-

† М. В. Мурская-Смирнова.

обычнаго рѣшенія послужило несогласіе правопріемницы покойнаго Соловцова М. М. Глѣбовой уплачивать съ 1906 г. повышенной до 25 тыс. р. (вмѣсто 18 тыс. р.) арендной платы. По контракту г-жа Глѣбова сохраняетъ за собою право продолжить его, но такъ какъ новыя условія не приемлемы для нея, то она имѣетъ право получить съ владѣльца театра 10 т. руб., — и контрактъ тогда расторгается. Г-жа Глѣбова заявила г. Бродскому, что желаетъ получить съ него не только эти 10 т. р., такъ сказать, отступныхъ, но и станеть искать съ него убытки за цѣлый рядъ послѣдующихъ годовъ, такъ какъ въ контрактѣ (онъ былъ заключенъ покойнымъ Соловцовымъ съ „покойнымъ“ нынѣ также, строительнымъ обществомъ) имѣется какая то „защѣпка“. Говорятъ, что сначала г. Бродскій предлагалъ г-жѣ Глѣбовой 10 т. р. и новый контрактъ изъ 25 т. р. въ годъ. Теперь, получивъ требованіе о 10 т. руб. и угрозу процессомъ, г. Бродскій рѣшилъ во что бы то ни стало больше театра въ рукахъ г-жи Глѣбовой не оставлять, мало того—сдѣлать самому антрепренеромъ, удаливъ изъ театра все рѣшительно имущество г-жи Глѣбовой. На значеніи этого огромнаго и весьма цѣннаго имущества строился, очевидно, планъ г-жи Глѣбовой: никто не могъ бы взять этотъ театрѣ у г. Бродскаго, не войдя въ соглашеніе съ владѣлицей имущества, приобрести которое обычнымъ театральнымъ предпринимателямъ было бы не подъ силу, а пришлось бы таковое арендовать. И, дѣйствительно, когда къ г-жѣ Глѣбовой обратился съ запросомъ объ этомъ артистъ М. Ѳ. Вагровъ, то ему была назначена сумма около 2500 р. въ мѣсяцъ. Сумма эта прямо невозможна для драмы: для оперы она имѣла бы оправданіе... Узнавъ о такихъ разсчетахъ г-жи Глѣбовой, г. Бродскій укрѣпился въ своемъ намѣреніи—держать самому драму въ Кіевѣ, сдѣлать все необходимое заново и самымъ усовершенствованнымъ образомъ, перестроить для этого даже сцену, и сформировать труппу, „первую въ провинціи“. Въ принципѣ г. Бродскій покончилъ съ М. Ѳ. Вагровымъ, которому будетъ поручено веденіе художественной стороны дѣла на правахъ *директора*. Такимъ образомъ, въ Кіевѣ, подобно тому, какъ нѣкогда въ Москвѣ Мамонтовъ, меценатъ станеть во главѣ драматическаго театра. Если принять во вниманіе самолюбіе и милліоны г. Бродскаго, то несомнѣнно дѣло бу-

детъ большое и интересное какъ для актеровъ, такъ и для публики. Да не окажется ли только вся эта затѣя капризомъ...

I. T.

Послѣднія кievскія газеты принесли извѣстie, будто претendentомъ на аренду театра является М. Г. Савина. Сенсационно, но едва ли правдоподобно.

* * *

11-го января 1905 г. въ г. Красноярскѣ празднуется 40 лѣтiе артистической дѣятельности Якова Никоновича Минскаго. Я. Н. на-

Я. И. Минскій.

(Къ 25-лѣтiю сценической дѣятельности).

чалъ свою карьеру въ г. Киевѣ у антрепренера г. Эккерта въ 1864 году, затѣмъ послѣдовательно служилъ по нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ, Николаевѣ, Самарѣ, Симбирскѣ, Оренбургѣ, Екатеринославѣ, Полтавѣ, Киевѣ, Иркутскѣ (6 лѣтъ), Владивостокѣ, Костромѣ (у г. Понормова) и послѣдние два года у М. И. Каширина въ Томскѣ и Красноярскѣ.

Въ празднованiи принимаетъ участiе вся труппа М. И. Каширина, а также и лица изъ публики. — Выбрана комисиія, въ составъ которой вошли: Редакторъ „Енисей“ Е. Ф. Кудрявцевъ, присяжный повѣренный А. А. Жалудскій, М. И. Каширинъ, А. Д. Шейндель, А. А. Тольскій, В. Я. Шамардинъ и Л. Л. Печоринъ-Цандеръ.

* * *

Айседора Дунканъ. Совѣмъ не обычное явленiе въ области хореографiи Айседора Дунканъ, впервые представшая 13-го декабря передъ петербургской публикой, совершенно переполнившей залъ Дворянскаго Собранiя. Вечеръ, устроенный въ пользу Общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенiя, названъ былъ Шопеновскимъ. Пiанистъ г. Лафонъ исполнилъ рядъ пьесъ Шопена: мазурки, прелюдии, ноктюрны, вальсы полонезъ, а г-жа Дунканъ въ это время танцевала. Такъ нужно сказать, чтобы сразу быть понятнымъ всѣмъ.

Однако къ Дунканъ обычное, установившееся понятiе танца не примѣнимо.

Передъ вами сцена, долженствующая перенести ваше воображенiе въ Грецію.

О ней говорятъ боковыя декорации съ мраморными стѣнами зданiй и колоннъ, о ней говорятъ черные кипарисы, о ней же говоритъ и общiй голубой фонъ задней декорации, изображающей, какъ можно думать, небо. Зеленоватый покровъ пола даетъ легкую иллюзию лужайки. Освѣщенiе лиловатое. Появляется полуобнаженная дѣвушка, одѣтая въ легкую полупрозрачную греческую тунику, дающую полную свободу движенiямъ и не скрывающую формъ тѣла. Ноги безъ замѣтнаго трико, босыя. Фигура стройная. Выраженiе, не отличающагося красотой, но очень привлекательнаго лица, скромно. Однако первое впечатлѣнiе все-таки, по своей необычности, шокирующее.

Но вотъ раздалась звуки мазурки Шопена (В-Dur op. 7)—г-жа Дунканъ оживилась, стала танцовать и первое впечатлѣнiе спланилось. Передъ вами не женщина, рассчитывающая на чувственное впечатлѣнiе. Передъ вами артистка.

Прихотливая ритмика этой и другихъ шести разнообразно выбранныхъ мазурокъ, смѣна въ нихъ настроенiй отъ глубокой, безысходной печали до безудержнаго веселья—вся эта сложная гамма человѣческихъ ощущенiй, тонко выраженныхъ Шопеномъ, отразилась въ пластическихъ движенiяхъ, въ танцѣ, въ жестахъ и въ мимикѣ г-жи Дунканъ. Вотъ она несется

съ беззаботной, очаровательной улыбкой въ веселомъ танцѣ съ одного края сцены на другой. А вотъ раздумье, печаль и тоска. Артистка останавливается и неуловимой пластикой живо рассказываетъ свои ощущенiя.

Можно не прислушиваться къ самой музыкѣ—къ тому же пiанисту ничего выдающагося собою не представляетъ. Достаточно краснорѣчива и увлекательна г-жа Дунканъ сама по себѣ. Музыка нужна больше для нея, чѣмъ для насъ. Музыка ее вдохновляетъ, заставляетъ ее претворять свои ощущенiя въ пластическiя формы и выходитъ это у нея такъ естественно, художественно, что начинаешь думать: да, еще не вполне до нея былъ исчерпанъ этотъ языкъ жестовъ, пластики и мимики. А когда вспомнишь казенный балетъ, то какимъ-то мертвеннымъ холодомъ и рутинной повѣтъ отъ него.

Не менѣе выразительно были интерпретированы пять прелюдiй, ноктюрнъ и нѣсколько вальсовъ Большого впечатлѣнiе произвела пластическая экспрессiя одной прелюдии, въ концѣ которой артистка въ изнеможенiи падаетъ на землю.

Ноктюрнъ (с-moll op. 48) былъ исполненъ при голубомъ освѣщенiи. Тѣло выглядывало, какъ мраморное. Сколько тутъ было нѣги, страстнаго томленiя, ожиданiя, восторговъ. Какая экспрессiя рукъ!

Очень выдѣлилась интерпретация полонеза As-Dur (op. 53). Артистка танцевала его въ короткой яркочерной туникѣ, танцевала въ какомъ-то вакхическомъ экстазѣ. Тутъ была и программа. Она какъ будто вглядывалась въ собирающуюся толпу и вмѣстѣ съ ней принимала участiе въ общемъ торжествѣ. Среди танца она вдругъ падала и это всегда соответствовало однимъ и тѣмъ же тактамъ музыки.

Словомъ нужно имѣть большой, оригинальный талантъ, чтобы произвести такое большое впечатлѣнiе въ той области, которая многими считается чуть ни неизменной. По крайней мѣрѣ намъ много разъ приходилось выслушивать мнѣнiе, что идея такой интерпретации музыки профанируетъ послѣднюю. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Г-жа Дунканъ лишнiй разъ доказала то положенiе, что всѣ искусства слиты во единое чѣлое. Человѣческiя ощущенiя можно выражать различными методами, которыхъ столько, сколько отдѣльныхъ искусствъ. Отчего же исключать отсюда пластику и мимику? А г-жа Дунканъ показала, до какой степени выразительности можно ихъ довести. //

* * *

11 декабря въ театрѣ „Комедiя“ въ пользу общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенiя, состоялся спектакль, исключительно изъ пьесъ г-жи И. Гриневской. Даны были извѣстныя одноактныя комедiи названной писательницы „Трудо-

А. Дунканъ.

вой день“ и „Сговорились“ и въ 1-й разъ 2 сцены изъ „Заколдованнаго круга“ Рыделя, въ переводѣ г-жи Гриневской и ея-же „Менуэтъ“. Сцены изъ „Заколдованнаго круга“ оказались очень изящными и красивыми, проникнутыми натуральной и свѣжей поэзiей. Менуэтъ—граціозная иллюстрация къ старинному танцу.

Спектакль имѣлъ успѣхъ—вызывали автора и исполнителей: г-жъ Дарскую, Ленскую, Ратмирову и Топорскую и

г. Борисова. Упомянемъ еще, что танцы въ „Менуэтѣ“ поставилъ очень стильно балетный артистъ Д. И. Прѣсняковъ, и что за сценой на роялѣ играла пианистка г-жа Гольденбломъ.

С. С.

* * *

Народный домъ. Былъ въ 5 д. Л. Урусова „Крестьянка“ („Съ плахи подь вѣнецъ“), поставленная въ Народномъ домѣ 14 декабря, типичная мелодрама, сильно позаимствованная изъ пьесъ Аверкіева („Каширская старина“), Островскаго („Дмитрій Самозвонецъ“), гр. А. Толстого („Царь Ѳедоръ Иоанновичъ“), Потѣхина и др. Языкъ, которымъ написана была, грубая поддѣлка подь языкъ Аверкіева. Тѣмъ не менѣе изобиліе грубоватыхъ, но достаточно сценичныхъ эффектовъ, сдѣлало то, что пьеса у мѣстной публики имѣла весьма большой успѣхъ.

Сюжетъ несложенъ. Княжичъ Алексѣй влюбляется въ простую крестьянку—сироту Татьяну и собирается на ней жениться. Про то провадалъ старый князь—воевода Свѣтошевъ, отецъ Алексѣя и, конечно, рѣшилъ воспротивиться этому неравному браку. Онъ увозитъ сына въ Москву, а Татьяну велитъ отдать замужъ за пропойцу Аксена Зобѣ, который начинаетъ тиранить жену. Не стерпѣла несчастная женщина обидъ и пырнула мужа ножомъ. Является старый воевода, влюбляется въ нее и сулитъ ей свободу, если только она согласится принадлежать ему. Но Татьяна не боится суда людского и отклоняетъ предложеніе воеводы. Ее приговариваютъ къ наказанію плетью и смертной казни. Вѣсмый послѣдній моментъ объявляется царская милость: ежели найдется холостой или вдовый человѣкъ, который согласится взять Татьяну замужъ, то она будетъ прощена. Разумѣется, такимъ человѣкомъ оказывается княжичъ. Однако суровый воевода не можетъ смириться: онъ черезъ своихъ прислужниковъ поджигаетъ домъ, гдѣ живетъ Татьяна, и она въ ожогахъ умираетъ.

Эффектовъ въ пьесѣ—множество. Сцены: пожара въ послѣднемъ актѣ, приготовления къ казни, поставлены прекрасно.

Изъ исполнителей выдѣлилась молодая артистка г-жа Куроптева въ роли Татьяны. У артистки красивый, проникающій въ душу голосъ. Есть и темпераментъ, хотя не особенно яркій. Ей лучше удалась лирическая сцена, чѣмъ сильно драматическія.

Типичный Зобѣ г. Шабельскій. Много красокъ, много юмора и веселья. Г. Розень. Санинъ повторилъ себя изъ „Принцессы Турандотъ“. Слѣдуетъ еще отмѣтить г. Евдокимова, прекрасно сыгравшаго юродиваго. Недура г-жа Романовская—Лукерья и характерны г. Никольскій и Малыгинъ.

* * *

Молодой театръ. Такъ озаглавлена афишка, а дальше идетъ „первый спектакль товарищества молодыхъ артистовъ и начинающихъ служителей сцены“—„въ память А. П. Чехова“—„Чайка“, „Свадьба“.

Было все это въ залѣ „Пальма“ 13-го декабря. „Симпатичное начинаніе“ думалось мнѣ. Видны какія-то артистическія намбренія—пустъ неясныя—можесть быть, и для самихъ зачинателей неясныя—но они чувствуются.

Одно очень серьезное замѣчаніе: „Молодой театръ“ игралъ „Чайку“, какъ самую обыкновенную пьесу, написанную въ старыхъ тонахъ, не только не давъ ни разу „настроенія“, но не сдѣлавъ даже попытки оное дать. Получились изъ всего этого очень курьезные результаты: *неловкость* наступала на сценѣ каждый разъ, когда по пьесѣ назрѣвало „настроеніе“. Можно, пожалуй, увидать въ семъ казузный психическій опытъ—доказательство того, что не достаточно глубоко воспринятія чувства разряжаются неловкостью. Такимъ образомъ, весь результатъ этого—право, крайне интереснаго—опыта—можесть быть такъ формулированъ—„при искреннемъ, но не достаточно глубоко воспріятіи чувствъ, они вмѣсто настроенія разряжаются неловкостью“.

Все-же пожелаемъ „молодому театру“ успѣха въ трудахъ. Среди исполнителей есть какъ будто нѣсколько человѣкъ съ дарованіемъ.

С. С.

* * *

Малый театръ. „Отвѣтъ Мольера“ или просто „Мольеръ—актеръ“—красивая пьеска и надо удивляться, почему она такъ рѣдко идетъ на провинціальныхъ сценахъ. Впрочемъ, русскій актеръ, вообще, не любитъ пьесъ въ стихахъ.

Когда я смотрѣлъ пьесу г. Долгова, мнѣ хотѣлось, пародируя известное выраженіе Горькаго, воскликнуть: „Актеръ—это звучитъ гордо“. Да,—гордо, сильно, властно! Онъ—„яркій свѣтъ, могучій жизни свѣтъ“, какъ говоритъ Мольеръ. Ему „дана великая та власть“

Заставитъ всѣ сердца однимъ забиться чувствомъ

И жадно рваться въ высь и къ свѣту, къ правдѣ, къ страсти

Вдругъ ощутитъ въ своей душѣ заблудшей“.

Онъ и вселяетъ людямъ „стремленіе къ добру и вѣчной красотѣ“. Онъ и помогаетъ имъ „узнать все то, на что отвѣта

нѣтъ“. Все красивое, радостное, доброе онъ вмѣстилъ въ свои чертоги,—унесъ въ свой храмъ, великій храмъ искусства, чтобы оттуда озарять міръ свѣтомъ правды и истины.

Монологи Мольера—это пѣснь торжествующаго актера. Онъ—гордъ, потому что сознаетъ свою власть надъ людьми, надъ тысячной толпой, которая слушаетъ его; онъ—дерзокъ и смѣль, потому что чувствуетъ, что „его увидѣвъ разъ—нельзя не полюбить“.

Къ сожалѣнію, исполняется пьеса г. Долгова на сценѣ Малаго театра слабѣе, чѣмъ можно было ожидать. Г. Глаголинъ читалъ монологи Мольера съ излишней приподнятостью, а г-жа Мирова въ роли Мадленъ слишкомъ манерничала.

Въ тотъ-же вечеръ была поставлена трехактная комедія Лоло „Вѣчный праздникъ“. Это—легкая комедія, мѣстами сбивающаяся на фарсъ. Небольшая картинка, вѣрнѣе—незатѣйливый набросокъ изъ курортной жизни. Конечно, странно, что всѣ эти флиртующія дамочки и скучающіе мужчины говорятъ все время въ стихахъ, но вѣдь на то г. Лоло и поэтъ.

Разыграна пьеса Лоло очень живо. Мила—по обыкновенію—г-жа Музиль-Бороздина въ роли дамочки, сводящей всѣхъ курортныхъ кавалеровъ съ ума, слащавъ—тоже по обыкновенію—г. Баратовъ и веселы—еще разъ по обыкновенію—г. Михайловъ и Мальскій. Хорошо играетъ нервнаго господина г. Неволинъ. Кажется, все...

В. Л.

* * *

Новый театръ. Необыкновенный человѣкъ, („Мастеръ“) ком. въ 3 д. Бара, переводъ З. Венгеровой. Прекрасная, интересная пьеса, появленіе которой на русской сценѣ можно искренно приветствовать.

Правда, эта пьеса только для тѣхъ, кто умѣетъ слушать и кто любить игру настоящаго, серьезнаго ума, но зато какое удовольствіе! Авторъ задался вопросомъ: можно-ли прожить жизнь одной силой разума? Своего героя поэтому онъ выводитъ изъ Америки и сталкиваетъ его съ толпой обыкновенныхъ провинціальныхъ нѣмцевъ. Послѣдніе живутъ предрассудками, за которыми нѣтъ ни чувства, ни разума. Представительницей чувства является жена героя, родившаяся въ Америкѣ ирландка, по всему своему нравственному и умственному облику обыкновенная, маленькая женщина. Ей нѣтъ дѣла ни до какихъ вопросовъ, не желаетъ она знать никакой борьбы, она хочетъ только, чтобы ее любили, ласкали, нѣжили. Для болѣе широкой иллюстраціи темы, авторъ остановился на весьма любопытной мысли ввести въ кругъ дѣйствующихъ лицъ чужака японца, представителя экзотической культуры, выходяща изъ царства чайныхъ домиковъ хризантемъ и свадебъ на срокъ. Японецъ вѣчно въ движеніи: его инстинктъ не улегся, его разумъ не окрѣпъ, онъ не можесть примирить Европу съ Азіей и вообще лишень какихъ-бы то не было синтетическихъ способностей.

На почвѣ этихъ условій создается рядъ конфликтовъ. Герой всю жизнь дѣлалъ только то, что считалъ разумнымъ, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считаясь и всѣхъ побѣждая. Его не признавали, противъ него подняли самыя опасныя бури—бури общественнаго мнѣнія провинціального городка, родной братъ сталъ во главѣ движенія. Герой, не смущаясь, шелъ своей дорогой. Но дорога эта не торная и, идя по ней, приходилось топтать много живое. И онъ топталъ. Онъ не замѣтилъ, что растопталъ и самого дорогаго ему человѣка—его слабую, думъ жену. Въ моментъ, когда, послѣ огромныхъ усилий, побѣда, казалось, уже въ рукахъ, онъ узнаетъ, что жена полюбила и сошлась съ маленькимъ, безвольнымъ, ничтожнымъ обывателемъ. Онъ богатъ и знатенъ, но онъ только ничтожный обыватель. Герой и тутъ поступилъ „разумно“. Онъ доказалъ своему сопернику, что прекрасно владѣетъ оружіемъ, но отказался отъ дуэли. Онъ не скрылъ отъ общественнаго мнѣнія, что избѣжна жены ему извѣстна, но объявилъ, что никому нѣтъ дѣла до его семейной жизни. Онъ, наконецъ, объяснилъ женѣ, что, несмотря на ея увлеченіе, онъ продолжаетъ любить ее. Не понявъ онъ только того, что съ женщинами нельзя такъ обращаться. Надо быть самому такимъ-же мелкимъ и обыкновеннымъ, какъ жена обыкновенная женщина. И жена уходитъ отъ него къ своему возлюбленному...

Такимъ образомъ, на вопросъ, поставленный въ началѣ пьесы, авторъ отвѣчаетъ въ концѣ ея отрицаніемъ: однимъ разумомъ прожить нельзя. Отвѣтъ дается нехотая, съ явнымъ раздраженіемъ, желчно. Но увы жизни не перефлать. Если и такіе сильные характеры, какъ герой пьесы, не выдерживаютъ борьбы, то менѣе сильнымъ нечего и вступать въ нее... А когда занавѣсъ падаетъ, то все-таки хочется не вѣрять въ неизбежность именно такого конца и хочется тѣмъ не менѣе присоединиться къ тѣмъ, кто за разумъ, противъ инстинкта. Въ этомъ все значеніе пьесы и вся сила таланта ея автора.

Особенность пьесы—рѣдкій анализъ, тонкій, ясный, штрихъ за штрихомъ. Мысль автора всегда ярко и красиво выражена, характеры выпуклы и интересны. Ни одного банальнаго приѣма, пьеса самостоятельна отъ начала до конца. Авторъ настолько самостоятеленъ, что не побоялся сравненія съ ибсеновскимъ „Штокманомъ“, хотя по внѣшности есть какъ будто-бы что-то общее между этими двумя пьесами. Даже такая подробность,

какъ столкновение между братьями. Однако, сходство только кажущееся. Пьеса Бара вполне оригинальна.

Разыгрывается пьеса у г-жи Яворской настолько хорошо, что все основное передается вполне согласно замыслу автора. Г. Горевъ, давший вообще очень опредѣленный и понятный образъ, во второмъ актѣ достигаетъ высокой художественности. Конецъ третьяго акта удается ему меньше. Г. Дагмаровъ, въ роли японскаго доктора, заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія. Его исполненіе тѣмъ болѣе интересно, что на сценѣ впервые яляется такая фигурка, и актеру пришлось придти къ ней вполне самостоятельно. Сцена объясненія между братьями во второмъ актѣ оставила большое впечатлѣніе. Г-жа Яворская тонко и умно провела заключительную сцену третьяго акта. Пьеса имѣла большой и заслуженный успѣхъ. Переводъ г-жи Венгеровой не оставляетъ желать лучшаго. *Арсеній Г.*

* * *

Новая опера. Оригинальный и яркій образъ Карменъ дала г-жа Беллинчони, приглашенная, къ сожалѣнію, какъ мы слышали, лишь на нѣсколько спектаклей. Спектакль 13 декабря надолго останется въ памяти.

Главное достоинство артистки состоитъ въ томъ, что вы не замѣчаете у нея игры. Передъ вами сама чаровница цыганка Карменъ, а не воспроизведеніе даннаго типа. Стройная, живая фигурка, нервное, подвижное лицо, за мимикой котораго не успѣваешь слѣдить—вотъ что поражаетъ при первомъ же появленіи г-жи Беллинчони на сценѣ. Ничего придуманнаго, никакихъ эффектовъ, рисовки. Страстные порывы, кокетство, уаль, беззаботность смѣняются у нея такъ естественно, непринужденно, какъ это можетъ быть только въ самой жизни. Сплошная искренность. И вы чувствуете, что этой искренностью она очаровываетъ и донъ-Хозе и Цунигу и Тореадора. Въ второмъ дѣйствіи она вся огонь и страсть. А сколько нѣги у нея въ дуэтѣ, когда она уговариваетъ Хозе сбросить все и бѣжать съ ней. Въ 3-мъ дѣйствіи Карменъ скучаетъ. Настали будни, любовь прошла, и она не знаетъ, какъ развязаться съ прошлымъ. Когда же судьба избавляетъ ее отъ наскучившаго поклонника—она снова прежняя, пылкая, беззаботная Карменъ. Она любитъ уже Эскамилю и съ улыбкой счастья провожаетъ его на арену. Настаетъ роковая минута—встрѣча съ Хозе. Съ жестокостью влюбленной отвергаетъ она его и убитая имъ падаетъ, какъ подкошенный цвѣтокъ.

Что сказать послѣ этого про вокальную сторону у г-жи Беллинчони. Ея не замѣчаешь, она только одно изъ средствъ для общаго впечатлѣнія. Слѣдовательно и вокальное искусство стоитъ у нея на должной высотѣ и не правы тѣ, которые будутъ стараться выискать недочеты въ ея пѣніи. Эти недочеты не существенны. Остальные исполнители не ударили лицомъ въ грязь. Г. Каміонскій былъ изящнымъ Эскамилю, г. Большаковъ увѣренно въ вокальномъ отношеніи передалъ роль Хозе. Мила была г-жа Кузнецова-Венуа въ роли Микаэллы.

Поставлена опера вполне прилично, но танцы въ третьемъ дѣйствіи заслуживаютъ упрека. Мало трехъ паръ, хотя сцена не велика.

Оркестръ подъ управленіемъ г. Букша заслуживаетъ похвалы. *И.*

* * *

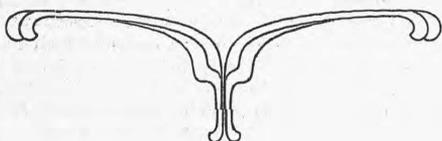
11 декабря въ Маріинскомъ театрѣ была возобновлена оп. „Русланъ и Людмила“. Подробный отчетъ объ этомъ спектаклѣ откладываемъ до слѣдующаго номера.

* * *

Заграничная хроника.

— Въ Вѣнскомъ Бургъ-театрѣ на дняхъ съ подобающей торжественностью было отпраздновано 50-лѣтіе сценической дѣятельности знаменитаго премьера этого театра Адольфа Зонненталя. Юбиляръ получилъ массу адресовъ, въ томъ числѣ отъ министровъ двора и народнаго просвѣщенія, отъ директора и труппы Бургъ-театра, отъ всѣхъ другихъ вѣнскихъ, а также и отъ берлинскихъ, мюнхенскихъ и другихъ германскихъ сценъ, отъ многихъ литературныхъ и драматическихъ обществъ, отъ выдающихся австрійскихъ и германскихъ драматурговъ и т. д.

— Можно-ли свистать? Этотъ вопросъ служилъ на-дняхъ въ Парижѣ предметомъ судебного разбирательства. Судъ, разсмотрѣвъ подробности дѣла и выяснивъ, что обвиняемые свистали не во время исполненія, а въ перерывахъ и антрактахъ, оправдалъ подсудимыхъ, исходя изъ того взгляда, что разъ въ концертахъ допускается одобреніе въ видѣ аплодисментовъ, то должно допускаться и выраженіе порицанія въ видѣ свистковъ. Дѣло переходитъ въ высшую инстанцію.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦИИ.

Варшава. Изъ Варшавы сообщаютъ „Рус. Сл.“:

„Отовсюду изъ провинціи получаются извѣстія о необычайномъ кризисѣ въ театральномъ дѣлѣ. Много театровъ совершенно закрыто. Театральныя зданія обращены въ склады товаровъ и хлѣбные магазины. Труппы бѣдствуютъ. Много безработныхъ актеровъ и актрисъ съѣзжаются въ Варшаву, тщетно добиваясь ангажемента и проживая послѣдніи деньки“.

Елисаветградъ. Поднять вопросъ о сооруженіи народнаго дома.

Казань. Итоги опернаго сезона. Всего дано 93 спектакля, въ томъ числѣ 9 утренниковъ. За 3 мѣсяца сезона взято валового сбора 52,310 руб. 18 коп., что составитъ (считая 93 спектакля), 560 руб. на каждый спектакль, и 17,436 рублей—за каждый мѣсяць. Считая цифру бюджета оперной труппы, приблизительно, 18,000 руб. въ мѣсяць, максимальный дефицитъ можетъ равняться полутора тысячамъ рублей за сезонъ.

Кіевъ. 11 декабря въ городскомъ театрѣ состоялся бенефисъ М. М. Бородая, совпавшій съ тридцатилѣтнимъ юбилеемъ его антрепренерской дѣятельности. Артисты, какъ оперные, такъ и драматической труппы театра общества грамотности чествовали г. Бородая поднесеніемъ адресовъ, произнесеніемъ соответствующихъ случаю рѣчей (отъ лица оперной труппы говорилъ г. Гельротъ, драматической—артистъ г. Лебедевъ), въ которыхъ указывалось на заслуги г. Бородая въ качествѣ театральнаго предпринимателя. Кромѣ того, оперная труппа ознаменовала день юбилея своего антрепренера учрежденіемъ стипендіи имени М. М. Бородая въ кіевскихъ городскихъ училищахъ.

— Намъ пишутъ: Совѣмъ оригинальная школа открывается скоро въ Кіевѣ. Опереточный артистъ Эспе устраиваетъ курсы для подготовленія въ оперетку... Интересно, кто будетъ приглашенъ г. Эспе въ качествѣ преподавателя опереточныхъ двухмысленностей и профессора канкана?..

— Въ Кіевѣ, въ больницѣ Покровскаго монастыря, находится въ настоящее время, въ самомъ ужасномъ положеніи, безъ всякихъ средствъ, опереточная артистка Е. Д. Шульцъ, супруга играющаго въ Москвѣ въ труппѣ Новикова простака П. М. Ш—ва.

— Артисту Городскаго театра Е. Э. Дарскому во время послѣдняго представленія „Жидовки“ поднесенъ былъ вѣнокъ съ надписью: „Идеальному Элеазару—отъ евреевъ“...

— Въ Кіевѣ ждутъ пріѣзда М. Горькаго, который будетъ присутствовать въ театрѣ „Соловцовъ“ на первомъ представленіи своей пьесы „Дачники“.

— Извѣстное дѣло г-жи Глѣбовой-Федоровой съ братьями покойнаго Н. Н. Соловцова-Федорова разсматривалось на-дняхъ въ сенатѣ, причѣмъ постановлено рѣшеніе въ пользу г-жи Глѣбовой.

— Г. Орловъ-Чужбининъ въ великопостномъ сезонѣ будетъ играть въ театрѣ общества грамотности.

— На будущій сезонъ въ труппу М. М. Глѣбовой приглашена новая артистка г-жа Смирнова на первыя драматическія роли. Г-жа Ильнарская на будущій сезонъ въ труппѣ не остается.

— Г-жа Мальская, по болѣзни, вышла изъ состава труппы г-жи Глѣбовой и уѣзжаетъ лечиться за-границу.

— На будущій сезонъ (1905—1906 г.) театрѣ „Бергонье“ съ 15-го сентября по великій постъ снятъ г. Шульцемъ. Будутъ играть опереточная и малорусская труппы.

— Возобновленіе оперы „Жидовка“ въ городскомъ театрѣ дало дирекціи нѣсколько полныхъ сборовъ. Особенно большой успѣхъ имѣла г-жа Бронская—Евдокія и г. Дарскій (Элеазаръ). За три спектакля взято валового сбора болѣе 5 тысячъ руб.

— Въ бенефисъ г. Боначича былъ поставленъ въ 1-й разъ „Робертъ-Диаволь“. Спектакль прошелъ съ аншламомъ. Бенефициантъ имѣлъ большой успѣхъ.

Кременчугъ. 22 декабря въ мѣстномъ театрѣ празднуется 25-лѣтіе сценической и антрепренерской дѣятельности Н. Т. Филипповскаго. Привѣтствія адресовать: Кременчугъ, Театрально-Юбилейный Комитетъ.

Нахичевань. По словамъ „Приаз. Кр.“ антреприза нахичеванскаго театра переходитъ въ другія руки. Е. Н. Горева будетъ завѣдывать режиссерскою частью.

Одесса. Итоги сезона Сибиряковской драмы. Съ 31-го августа по 9-е декабря дано было 93 спектакля. Поставлены были пьесы: „Мѣщане“, „Извозчикъ Геншель“, „Двѣнадцатая ночь“, „Самоуправцы“, „Голосъ крови“, „Балконъ“, „Измѣна“, „Лѣсъ“, „Марсельская красотка“, „Горе отъ ума“, „Мраморная вдова“, „Монна-Ванна“, „Снѣгъ“, „Потонувшій колоколъ“, „Ревизоръ“, „Звѣзда“, „Губернская Kleопатра“, „Богатый человекъ“, „Три сестры“, „Вѣчный праздникъ“, „Ради счастья“, „Золотое руно“, „Катюша Маслова“, „Женщина съ моря“, „Юлій Цезарь“, „Разбойники“, „Въ сѣтяхъ“, „Изь-за короны“, „Золото“, „Натанъ Мудрый“, „Дочь Іоріо“, „Царь Федоръ Іоанновичъ“. Наибольшее число разъ прошли пьесы: „Юлій Цезарь“ и „Катюша Маслова“. Всего драма дала 45.870 р., что составляетъ до 500 р. на кругъ за спектакль. Убытка понесено до 15.600 руб. А. И. Долиновъ на своемъ дѣлѣ потерялъ въ Русскомъ театрѣ 24 тыс. руб.; такъ что двѣ

драматическія труппы въ Одессѣ за три мѣсяца дали до 40 тысячъ рублей убытка.

— Артисты труппы Сибирякова, приглашенные къ нотариусу, получили третью часть причитающагося имъ по 9 декабря жалованья (т. е. 4000 руб.) и векселя срокомъ на полгода за подписью г. г. Навроцкаго и Сибирякова. Маленькіе „актеры“, получающіе жалованья до 60 руб., получили весь долгъ наличными. Отъ отвѣтственности за дальнѣйшее время г. Навроцкій окончательно отказался, заявивъ артистамъ, чтобы они дали ему немедленно отвѣтъ, согласны ли они составить товарищество и снять Русскій театръ, ибо въ противномъ случаѣ Русскій театръ будетъ отданъ другой труппѣ. По слухамъ артисты рѣшили предъявить иски къ г. Сибирякову, а также къ г. Навроцкому о неустойкѣ и объ уплатѣ жалованья съ 10 декабря до поста.

— Русская оперетка В. Н. Шульца за два съ половиной мѣсяца взяла въ театрѣ Сибирякова 62.000 руб. и переноситъ свои спектакли въ Русскій театръ, который законтрактуютъ г. Шульцемъ у г. Долинова.

— Рѣдкое дѣло. Къ автору пьесы „Тайны нашего города“ Н. Дони предъявлено обвиненіе въ оклеветаніи семьи Николая Деменкова. Каждому дѣйствующему лицу авторъ посвятилъ по большому оскорбительному монологу. На судѣ обвиняемый объяснилъ, что писалъ трагедію подъ впечатлѣніемъ дразнъ въ семьѣ Деменкова. Мировой судья оправдалъ Дони.

— А. И. Долиновъ пригласилъ на будущій сезонъ въ составъ своей драматической труппы комика Вѣлиновича.

— Случай съ г. Дуровымъ въ циркѣ. Во время представленія къ нему подошелъ судебный приставъ и какой-то кредиторъ и стали срывать медали и ордена, которые нацѣпилъ на себя г. Дуровъ. Дуровъ, однако, вырвался изъ рукъ своего кредитора, и представленіе продолжалось. Послѣ этой схватки съ кредиторомъ, г. Дуровъ обратился къ публикѣ со словами: „извините, я взволнованъ: здѣсь судебный приставъ... Пришелъ онъ не во время“. Публика сначала не поняла, въ чемъ дѣло, и думала, что ей дадутъ „номеръ“ сверхъ программы.

Рига. По слухамъ, г. Незлобинъ намѣренъ въ предстоящемъ великомъ посту совершить артистическую поѣздку съ своею труппою. Главною пьесою будутъ „Дачники“ Горькаго.

— На Святкахъ пріѣзжаетъ малороссійская труппа Свѣтлова, которая будетъ давать представленія въ залѣ „Улья“.

Самара. Намъ телеграфируютъ: „Городская дума отвергла рекомендованнаго театральною комиссіей Кручинина и сдала въ аренду городской театръ громаднымъ большинствомъ голосовъ извѣстному антрепренеру Линтвареву. Многочисленная публика привѣтствовала это рѣшеніе“.

— Намъ пишутъ: 11 декабря въ камерѣ городского судьи было рассмотрѣно дѣло объ оклеветаніи антрепренеромъ нашего городского театра Н. Д. Тиллингомъ (по сценѣ Кручининимъ) бывшаго управляющаго того-же театра В. М. Зайцевскаго (Днѣпрова). За выѣздомъ г. Зайцевскаго изъ Самары, на судъ выступилъ его повѣренный г. Гиляровскій. Не явился на судъ и г. Тиллингъ. Обстоятельства дѣла таковы. Въ минувшемъ ноябрѣ, послѣ увольненія Кручининимъ Зайцевскаго, послѣдній обратился черезъ нотариуса А. А. Смирнова съ требованіемъ къ своему антрепренеру указать на причины его увольненія. Кручининъ отвѣтилъ, что онъ „увольнилъ Зайцевскаго отъ службы за нетрезвое поведеніе, послѣдствіемъ котораго было нѣсколько инцидентовъ, роняющихъ достоинство театра“. Зайцевскій усмотрѣлъ въ отвѣтѣ клевету. Никакихъ инцидентовъ, о которыхъ говорилъ Кручининъ не было, и онъ, Зайцевскій, при исполненіи своихъ обязанностей, всегда былъ трезвъ. Свидѣтели, актеры Разсудовъ и Звѣздичъ, удостовѣрили, что въ ресторанахъ и частныхъ домахъ они видѣли Зайцевскаго пьянымъ, но въ театрѣ, при исполненіи своихъ обязанностей, онъ пьянымъ никогда не бывалъ. Остальные свидѣтели въ судъ не явились. Судья приговорилъ Кручинина на двѣ недѣли подѣ-арестъ за клевету.

Землякъ.

Саратовъ—Казань. Къ сдачѣ театровъ. Соискателемъ на аренду театровъ въ Саратовѣ и Казани является въ настоящее время одинъ только П. П. Струйскій, предлагающій на весь сезонъ одну драму и только постомъ оперу Театральное дѣло, по мнѣнію саратовскаго театральнаго комитета, въ настоящее время нѣсколько измѣнилось, съ постройкой очинскаго театра. Едва-ли возможно удержать на будущее время существующій нынѣ порядокъ чередованія въ одномъ сезонѣ двухъ труппъ—оперной и драматической, а потому придется остановиться на какой-либо иной комбинаціи.

Казанская театральная комиссія объяснила отсутствіе соискателей на аренду театра также требованіемъ Думы имѣть полусезонно оперу и драму. Для того, чтобы сохранить полусезонно оперу и драму, члены комиссіи признавали возможнымъ предоставить въ пользу антрепренера эксплуатацію буфета и увеличить срокъ контракта до трехъ лѣтъ... Г. Соболичковъ—Самаринъ, долгое время хранившій молчаніе, нынѣ прислалъ въ Казанскую гор. управу телеграмму. „При существующемъ контрактѣ, который охраняетъ всѣ интересы одной стороны, а для другой имѣетъ лишь рядъ дисциплинарныхъ взысканій, арендовать театръ невозможно. Если городская управа пожелаетъ исключить изъ договора, избилую-

щаго карательными мѣрами, нѣкоторые пункты, тогда прошу отложить вопросъ о сдачѣ театра до моихъ личныхъ объясненій по пріѣздѣ въ Казань“.

Тифлисъ. Въ виду истеченія въ январѣ 1906 г. срока аренды „Тифл. Артистическимъ Обществомъ“, помѣщенія въ домѣ Питоева и заявленія владѣльца помѣщенія о намѣреніи лично эксплуатировать театръ, совѣтъ старшинъ „Арт. Об.“ постановилъ пріискать для себя другое помѣщеніе.

Харьковъ. Въ бенефисъ М. И. Велизарій въ драматическомъ театрѣ 10 декабря поставлена была новая пьеса Энгеля „Море и люди“ (Ueber den Wassern), въ перев. Н. Тамариной И. Дыниной.

Харбинь. 19 ноября состоялась первая гастроль М. В. Дальскаго въ труппѣ г. Арнольдова („Уриель Акоста“).

Херсонъ. Въ гор. управу поступило предложеніе отъ г. Строителяева о сдачѣ ему городского театра на будущій сезонъ.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Отступленіе г. Долинова изъ Одессы въ Саратовъ выяснило очень важное обстоятельство: мудрость г. Долинова. Последнее генеральное сраженіе дано одесситамъ въ бенефисъ директора, при чемъ артистъ В. О. Степановъ въ привѣтственной рѣчи засвидѣтельствовалъ передъ публикою мудрость г. Долинова:

— „Въ отъѣздѣ изъ Одессы сказалась ваша мудрость. Вы нашли въ себѣ достаточно гражданскаго мужества отступить во-время и сохранить свою армію отъ гибели, и вотъ вы отступаете теперь въ полномъ порядкѣ, сохранивъ въ цѣлости свою армію, снабдивъ ее провіантомъ въ полной мѣрѣ“.

Что провіантъ въ полной мѣрѣ—это хорошо, предусмотрительно и поистинѣ мудро, особенно если принять во вниманіе, что вторая одесская драматическая армія, подъ директорствомъ г. Сибирякова, не обнаружила никакихъ запасныхъ провіантскихъ складовъ въ кассѣ, и никакого залога.

Главный театральнй интендантъ В. В. Навроцкій до сихъ поръ ведетъ переговоры о переводѣ всей второй драматической арміи на подножный кормъ.

Во всякомъ случаѣ изъ поучительнаго опыта двойной одесской трагедіи не только г. Долинова, но даже прочіе антрепренеры могутъ черпать мудрость цѣлыми ушатами. Съ неопровержимою достовѣрностью явствуютъ двѣ истины: 1) провинціальный городъ не можетъ выдержать двухъ дорого стоящихъ т. е. хорошихъ драматическихъ труппъ и 2) въ большихъ дозахъ гастроль высокоталантливыхъ артистовъ не оправдываютъ надеждъ и въ то же время убиваютъ сборы неагострольныхъ спектаклей.

Тридцать девять гастрольей г-жи Савиной дали, напримѣръ, всего только по 600 рублей на кругъ.

Послѣ этого открытія поневолѣ мудрость (даже въ гомеопатической дозѣ) предпишетъ отступленіе.

*** Въ Петербургѣ, въ pendant къ „молодымъ“ и „очень молодымъ“ театрамъ, организуется еще театръ—„Греза“. Инициаторами его называютъ себя гг. Сеппъ и Шмидтъ. И такъ же, какъ въ другихъ „молодыхъ“ театрахъ, труппа будетъ состоять „исключительно изъ начинающихъ актеровъ и любителей“. И какъ во всѣхъ подобныхъ начинаніяхъ, играть будутъ самыхъ „новѣйшихъ“ авторовъ.

Вопросъ: гдѣ будетъ помѣщаться этотъ театръ „Греза“? И не должно-ли, вообще, понимать названіе это аллегорически, т. е. что гг. Сеппъ и Шмидтъ пригрѣзился такой театръ? По индійскому сказанію, и мѣръ есть не что иное, какъ греза бога...

*** Въ „Нов. Врем.“ отмѣчается „пропаганда“ Надеждой Славянскаго русскаго искусства въ Австріи.

Такое представленіе шло въ морскомъ клубѣ въ приморскомъ городѣ Пола и „флотскіе офицеры“ съ австрійскихъ малороссіевъ не знали куда дѣваться отъ „сорому“.

Одинъ изъ такихъ „офицеровъ“ пишетъ, что газетнымъ вымысламъ о „пьяной“ эскадрѣ адмирала Рожественскаго не вѣрили, но представленіе русской труппы больше „пошлодило“ русскимъ симпатіямъ, „якъ усѣ брехниві дописи німѣцкихъ газетъ“.

Нельзя-ли, взываетъ онъ, сдѣлать предметомъ заграничнаго экспорта настоящее русское искусство, а не то „шо мішае имя русске з болотомъ“...

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г. Получая много запросовъ относительно постановки моей новой пьесы „Авдотина жизнь“, увѣдомляю гг. представителей театральнаго дѣла въ провинціи, что думаю подвергнуть редакцію ея нѣкоторымъ измѣненіямъ, послѣ чего представлю пьесу въ общее пользованіе провинціального театра.

Прим. и пр. С. Найденовъ.

М. г. Мое письмо въ редакцію „объ удовлетвореніи острой нужды провинціальныхъ сценическихъ дѣятелей“, напечатанное въ № 45 „Театра и Искусства“, вызвало „репрессію“ со стороны Совѣта.

Конецъ этой исторіи столь характеренъ и поучителенъ, что достоинъ оглашенія путемъ печати въ назиданіе гг. уполномоченнымъ, смѣющимъ имѣть свое сужденіе.

30-го ноября я получилъ отъ Совѣта „отношеніе“ за № 2559, на этотъ разъ подписанное г. Молчановымъ и прочими.

Отношеніе это дословно было слѣдующаго содержанія: „Совѣтъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества имѣетъ честь увѣдомить Васъ, что въ виду *явнаго несоотвѣтствія Вашихъ взглядовъ* (sic) съ Правилами дѣйствій Уполномоченныхъ Совѣта, строго основанными на Уставѣ Общества, что было выражено Вами какъ въ письмѣ отъ 6-го Мая 1904 г., такъ и въ письмѣ въ редакцію журнала Театръ и Искусство, Совѣтъ признаетъ неудобнымъ дальнѣйшее исполненіе Вами обязанностей Уполномоченнаго Совѣта въ Ельцѣ“.

Всѣ находящіяся у Васъ документы по агентурѣ О-ва благоволите выслать въ Канцелярію Совѣта:

Въ отвѣтъ на отношеніе я послалъ въ Совѣтъ слѣдующее письмо:

(Копія).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ АРТИСТКИ.

Г-жа Ильнарская въ роли Катюши Масловой.

(Кіевъ)

Въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

Такъ какъ въ уставѣ Общества не содержится опредѣленія, кѣмъ и какъ увольняются уполномоченные, а имѣется лишь указаніе въ „Правилахъ дѣйствій уполномоченныхъ“, что уполномоченные назначаются съ соизволенія Августѣйшаго Президента Общества, то я полагаю, что Совѣтъ Общества, безъ Августѣйшаго же соизволенія, не имѣетъ права ихъ и увольнять, хотя бы и признавалъ неудобнымъ дальнѣйшее исполненіе ими своихъ обязанностей, въ виду явнаго, по мнѣнію Совѣта, несоотвѣтствія взглядовъ уполномоченнаго съ „Правилами“.

На основаніи изложеннаго, я считаю, что Совѣтъ совершенно неправильно и не согласуясь съ существующимъ порядкомъ увольненія отъ должности лицъ, назначенныхъ съ Августѣйшаго соизволенія, сдѣлалъ попытку уволить меня отъ должности.

Точно такъ-же считаю неправильными и мотивы, приведенные Совѣтомъ какъ основаніе для моего увольненія, ибо никакого „явнаго“ несоотвѣтствія моихъ взглядовъ съ „Правилами дѣйствій уполномоченныхъ“ не было выражено мною ни въ письмѣ въ Совѣтъ отъ 6 мая 1904 года, ни въ письмѣ въ редакцію журнала „Театръ и Искусство“. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ я указывалъ лишь на неосновательныя требованія канцеляріи Совѣта, предъявленные мнѣ по поводу оказанной мною лично помощи нуждающимся артистамъ и, горячо желая содѣйствовать какъ развитію театральнаго дѣла въ про-

винціи, такъ и его истиннымъ труженикамъ—провинціальнымъ артистамъ, я, по моему искреннему убѣжденію, отмѣтилъ ту опасность, которая грозитъ всякому живому дѣлу отъ внѣдренія бюрократическаго режима съ его спутницей сухой и черствой канцелярщиной, мертвящей всякое доброе начинаніе и всякую инициативу.

Быть можетъ все высказанное мною и представляется Совѣту явнымъ „несоотвѣтствіемъ“ съ „Правилами для уполномоченныхъ“, но въ *дѣйствительности* ни мое письмо въ Совѣтъ, ни статья въ „Театръ и Искусствѣ“ *не нарушаютъ вышеупомянутыхъ правилъ* и даже не противорѣчатъ тѣмъ основнымъ взглядамъ на обязанности уполномоченныхъ, которые изложены въ §§ 1—10 названныхъ правилъ.

Но въ виду такого отношенія Совѣта къ уполномоченному, служащему изъ любви къ дѣлу *honoris causa* и назначенному согласно указаніямъ высшей мѣстной администраціи съ Августѣйшаго соизволенія, которое близко къ третиранію какъ мелкаго чиновника, подчиненнаго новому театральному департаменту, я имѣю честь заявить, что не нахожу возможнымъ оставаться дальѣ уполномоченнымъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества въ Ельцѣ.

Препровождая при этомъ свою довѣренность, квитанціонную книжку и проч. документы, позволяю просить Совѣтъ препроводить въ Елецъ моему замѣстителю для образованія фонда на удовлетвореніе острой нужды гг. артистовъ тѣ деньги, которыя будутъ получены Совѣтомъ по присланнымъ мною роспискамъ. При этомъ, повторяю, я желалъ бы, чтобы этотъ фондъ былъ *въ исключительномъ видѣннн и распоряженнн* будущаго елецкаго уполномоченнаго.

Въ заключеніе приношу горячія пожеланія полного успѣха во всѣхъ начинаніяхъ Императорскому Театральному Обществу, которому, по мѣрѣ моихъ силъ и разумнія, я имѣю честь служить четыре года и, уходя, желаю самой свѣтлой будущности.

Уполномоченный Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества въ Ельцѣ.

Александръ Петровъ.

Елецъ 5 декабря 1904 г.

М. г. г. редакторъ! Покорнѣйше прошу Васъ не отказать напечатать въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ полученную мною изъ г. Тифлиса телеграмму:

„Въ газетахъ сообщили, что я не держу антрепризу. Прошу сообщить всѣмъ газетамъ, что мною антреприза продолжается и повода прекратить ее не было. *Донской*“.

Пр. и пр. Управляющій Бюро *И. Пальминъ.*

М. г. г. Редакторъ! Въ № 43 Вашего уважаемаго журнала помѣщена замѣтка за подписью „Піанистъ“ о поглощеніи фирмой Шредера фирмы Беккера Въ замѣткѣ этой говорится, что „фирма Беккера обнаружила въ своемъ производствѣ стремленіе къ совершенствованію инструментовъ“, и въ доказательство приводится, что 1) вмѣсто гладкой металлической доски Беккеромъ введена доска съ отверстиемъ, 2) предполагалось перенести изъ Блютнеровскихъ роялей четвертую струну“. Въ противоположность этому фирма Шредеръ, по словамъ автора замѣтки, „представляла коммерческую окаменѣлость“.

Въ виду сего покорнѣйше прошу Васъ не отказать помѣстить нижеслѣдующее разъясненіе.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что металлическая доска съ отверстиемъ, примѣняющаяся уже болѣе тридцати лѣтъ всѣми фабрикантами роялей, впервые въ Россіи введена не фирмой Беккера, а именно фирмой Шредера. Что же касается струнной системы „аликвотъ“, то она едва-ли можетъ считаться усовершенствованіемъ. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что это изобрѣтеніе примѣняется одной лишь фабрикой и то только въ меньшинствѣ своихъ инструментовъ.

Фабрика наша одна изъ лучшихъ и, слѣдовательно, не можетъ представлять собою „коммерческую окаменѣлость“.

Съ почтеніемъ *К. М. Шредеръ.*

М. г. г. Редакторъ. Прошу черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала дать мнѣ возможность послать привѣтъ всѣмъ друзьямъ и знакомымъ и извѣстить ихъ, что я 7-го декабря призванъ на дѣйствительную службу въ качествѣ прапорщика запаса.

Примите и проч. Артистъ *Мих. Ник. Лавриновичъ.*

М. Г. г. Редакторъ! Позвольте черезъ посредство уважаемаго журнала выразить глубокую благодарность всѣмъ товарищамъ, почтившимъ память скончавшейся жены моей, артистки М. В. Смирновой-Мурской, и выразившимъ мнѣ сочувствіе въ постигшей меня тяжелой утратѣ.

Примите и проч. *А. А. Мурскій.*

О ТЕАТРАЛЬНОЙ РЕМАРКЪ.

— *Ш* АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ. *Ш*

III.

Подвигаемся къ болѣе близкому намъ времени. Просматривая пьесы Островскаго, мы убѣдимся, что основатель русской бытовой драмы былъ очень скупъ на ремарки и, очевидно, придавалъ имъ весьма мало значенія. Онъ относился даже съ нѣкоторою, сказалъ бы я, неряшливостью къ этой составной части пьесы. Чтобъ не быть голословнымъ приведу, нѣсколько примѣровъ: „*съ легкимъ присутствіемъ слезъ въ голосѣ*» («Шутники», д. I, явленіе 5-е); «*ложится на шею къ Степанидѣ*» («Не такъ живи, какъ хочется», д. II, явленіе 10-е); «*начинаетъ тихо и постепенно одушевляться*» («Доходное мѣсто» д. V, явленіе 4-е).. Нельзя сказать, чтобы «легкое присутствіе слезъ», «ложиться на шею», «тихо одушевляться» были, выражаясь мягко, удобными выраженіями, и едва ли въ діалогѣ Островскій рѣшился бы ими воспользоваться... Но ремарка—это дѣло второстепенное и тутъ анализировать и церемониться нечего... То же поверхностное отношеніе чувствуется у Островскаго и въ ремаркахъ, характеризующихъ обстановку отдѣльныхъ дѣйствій. Благодаря этой примитивности указаній, для самаго великаго писателя нашего возникали иногда нѣкоторыя неудобства. Второе дѣйствіе «Шутниковъ» имѣетъ въ началѣ только слѣдующее краткое указаніе: «ворота, гдѣ торгуютъ картинками». Въ новомъ изданіи полного собранія сочиненій Островскаго (Книгоиздательство т—ва «Просвѣщеніе») находимъ слѣдующее въ примѣчаніи М. И. Писарева: «при постановкѣ «Шутниковъ» на сценѣ, второй актъ почти всегда не только въ провинціи, но даже и на казенной столичной сценѣ, обставлялся слишкомъ произвольно г-ми режиссерами, что въ значительной мѣрѣ препятствовало его успѣху». Спросимъ отъ себя:—вина ли это режиссеровъ, разъ имъ даютъ такую односложную, ничего собственно не указывающую ремарку?.. А неудобство, возникшее по этому поводу для самаго Островскаго, видно изъ его письма (помѣщено тамъ же) къ актеру Бурдину. Вотъ что между прочимъ тамъ говорится: «Ты мнѣ пишешь, что вторымъ актомъ я ставлю васъ въ безвыходное положеніе. Этого я просто не понималъ, потому что второй актъ идетъ у насъ въ Москвѣ отлично (еще бы:—такъ указывалъ самъ авторъ!) и производитъ большой эффектъ. М—а мнѣ пояснила, въ чемъ дѣло, и я убѣдился, что вамъ должно быть точно очень неловко, но не по моей винѣ (?!). У насъ дѣлается вотъ какъ». Далѣе идетъ подробнѣйшій разсказъ, какъ слѣдуетъ планировать это дѣйствіе.

Однако подобный непріятный случай не могъ измѣнить обычной манеры Островскаго, и онъ и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ пользуется столь же краткими и мало характерными указаніями. А. А. Потѣхинъ, пьесы котораго шли одновременно

„Жанина“.

Г. Петровскій (Измаиль Салоникъ).

Рис. М. Демьянова.

съ пьесами Островскаго, въ этомъ отношеніи гораздо разнообразнѣе, заботливѣе и точнѣе. Кое гдѣ въ его ремаркахъ встрѣчается уже то, что можетъ быть отнесено къ области «настроеній». Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «вдали по улицѣ показывается Иванъ. Его ведутъ подъ руки Павелъ и другой крестьянинъ. Все платье Ивана мокрое, *какъ будто онъ только что вытасненъ изъ воды*; лицо блѣдно, волосы растрепаны, шляпы на головѣ нѣтъ; онъ едва передвигаетъ подъ собою ноги» («Судъ людской—не Божій», д. III, явленіе 3-е); «Перконтровъ въ продолженіе всего разговора Софьи Павловны съ Анной Ивановной находился въ крайнемъ смущеніи, и *хотѣлъ что то сказать, но не рѣшился*» («Шуба овечья—душа человѣчья», д. I, явленіе 11-е); «начинаетъ волнуйся, поспѣшно собирать деньги и класть въ бумажникъ, но дрожащія руки плохо ему повинуются» («Чужое добро—въ прокъ не идетъ»,

д. I, явление 11-е); «повеселѣвши отъ пунша и возбужденныя чувства родительской любви» («Мишура», д. II, явление 2-е) и т. п. Вступление къ каждому дѣйствию содержитъ у А. А. Потѣхина очень подробное описание всѣх мелочей обстановки. Не привожу примѣровъ, которые заняли бы слишкомъ много мѣста. Пьесы Л. Н. Толстого, если вообще и не отличаются подробными, многорѣчивыми ремарками, то во всякомъ случаѣ онѣ оригинальнѣе и характернѣе, чѣмъ у Островскаго. Толстой, повидимому, довѣряетъ актерскому таланту и чутью, думаетъ, что актеръ самъ съумѣетъ разобраться въ такихъ пьесахъ, какъ «Власть тьмы», «Плоды просвѣщенія», гдѣ все въ сущности ясно, понятно, безъ тумана символическаго и мистическаго. И все же тамъ, гдѣ Толстой желалъ бы встрѣтить особую яркость и живость сценическаго воспроизведенія,

„Жанина“.

Г-жа Каратыгина (Ревекка Штротманъ).

Рис. М. Демьянова.

тамъ онъ считаетъ какъ бы необходимымъ отступить отъ обычной своей манеры и рѣшается дать самые подробные комментаріи. Такова въ «Власти Тьмы» вся сцена у погребя (убійство младенца; д. IV, явление 14-е). Тутъ каждая реплика сопровождается точно опредѣляющими моментъ ремарками. То же самое въ мѣдунимическомъ опытѣ съ ложкой («Плоды просвѣщенія» д. II-е, явление 17-е). Очень мѣткіи и оригинальныя небольшія характеристики, сопровождающія перечисленіе дѣйствующихъ лицъ въ «Плодахъ просвѣщенія». Очень содержательны нѣкоторыя краткія ремарки («беретъ на себя трезвый видъ», «всѣ вокругъ него, но онъ, не видя никого, глядитъ передъ собой» и т. п.)

Возьмемъ нѣсколькихъ корифеевъ иностранной драматургіи—Сарду, Гауптмана Зудермана. Это руководители «новой» театральнаѣ школы, но отнюдь не новѣйшей, о которой мы поговоримъ ниже. У Сарду поражаетъ весьма подробный и точный комментарий къ дѣйствию. Но это именно комментарий «активныхъ проявленій», комментарий декоративный. Почти нѣтъ и даже иногда совсѣмъ нѣтъ ремарки рисующей психику дѣйствующихъ лицъ и настроеніе минуты. Все тутъ точнѣйшіе «переходы» слѣва направо и обратно, указанія, чуть-ли не по метроному, когда

долженъ раздаться залпъ ружей, ударъ колокола, крикъ толпы. Типичнымъ образцомъ въ этомъ отношеніи могъ бы служить «Графъ-де-Ризооръ». Какъ всѣ детали, всѣ аксессуары, всѣ чисто «двигательные» эпизоды точно распределены хотя бы въ 1-й же картинѣ I дѣйствія. И какъ студентъ, на примѣръ, комментарий душевныхъ движеній и психологическихъ подробностей въ ужасающей сценѣ допроса донны Долоресъ герцогомъ Альба. (д. III, явл. 8-е).

Совершенно обратное этому мы встрѣчаемъ у Гауптмана даже въ первыхъ его произведеніяхъ. Экономія мѣста заставляетъ меня взять только къ примѣра, хотя въ каждой изъ пьесъ Гауптмана ихъ можно указать сколько угодно.

Характеристика дѣйствующаго лица. „Шольцъ—человѣкъ очень высокаго роста, широкоплечій и сильно опухшій. Лицо жирное, цвѣтъ кожи сѣрый и нечистый, глаза по временамъ кажутся мертвыми, но по временамъ загораются лаковымъ блескомъ; взглядъ блуждающій. Съдая, спутанная борода. Движенія—тяжеловѣсны, члены дрожатъ. Говоритъ задыхаясь, какъ будто ротъ у него набитъ мукой; спотыкается на слогахъ. Одѣтъ небрежно: потертый шелковый жилетъ, который когда то былъ коричневаго цвѣта; сюртукъ и брюки—неопредѣленнаго цвѣта; сѣрая мѣховая шапка съ большимъ козырькомъ, странная по формѣ; красный шелковый галстукъ; сорочка измята... Сморгаясь онъ пользуется большимъ турецкимъ носовымъ платкомъ. Шольцъ входитъ, опираясь на камышевую трость съ рукояткой изъ оленьяго рога; на плечахъ у него большой дорожный плащъ военнаго покроя; въ лѣвой рукѣ мѣховая саквояжъ. („Праздникъ примиренія“ д. I, явл. 4-е).

Ремарка „настроенія“: „Юганнъ стоитъ нѣсколько секундъ точно оглушенный; потомъ большими шагами начинаетъ ходить по комнатамъ, растерянно проводить рукой по волосамъ; вздыхаетъ нѣсколько разъ, сильнѣе и сильнѣе; останавливается и прислушивается. Внезапно издали доносится шумъ. Это приближающійся поѣздъ мчитъ черезъ лѣсъ. Юганнъ открываетъ дверь на веранду и прислушивается. Въ разрѣженномъ воздухѣ отчетливо раздается звукъ станціоннаго колокола. Онъ обрываетъ точно что-то жизненное, дорогое... Второй звонокъ... Третій... Свистокъ паровоза... Все кончено... Анна уѣхала... Юганнъ хочетъ пройти въ свою комнату, но, направляясь туда, падаетъ обезиленный на стулъ. Тѣло его вздрагиваетъ отъ рыданій... Блѣдный свѣтъ луны падаетъ на веранду... Тишина... Въ сосѣдней комнатѣ кто-то начинаетъ громко говорить... Юганнъ быстро встаетъ, направляясь въ свою комнату... Но потомъ останавливается, сосредоточенно „думаетъ нѣсколько секундъ и рѣшительно уходитъ на веранду“. („Одинокіе“, д. V, явл. 4-е).

Ремарка „психологическаго момента“: „Елена оглядывается и тихо зоветъ: *Альфредъ!*.. *Альфредъ!*.. Она спѣшитъ къ двери зимняго сада и заглядываетъ туда, затѣмъ уходитъ въ зимній садъ. Выходя оттуда она повторяетъ громче: *Альфредъ!*.. Безкойство овладѣваетъ ею все болѣе и болѣе... Она быстро направляется къ окну и выглядываетъ въ него.. *Альфредъ!* Она открываетъ настежь окно и влѣзаетъ даже на стулъ, чтобы лучше видѣть то, что происходитъ на дворѣ. Въ этотъ моментъ оттуда ясно доносится пѣніе ея отца, пьянаго крестьянина, возвращающагося изъ трактира.. Елена вскрикиваетъ и бѣжитъ, точно за нею гонятся, къ средней двери. Здѣсь она замѣчаетъ письмо, оставленное Лотомъ. Она схватываетъ письмо, разрываетъ конвертъ и вся дрожа пробѣгаетъ его. Громко произноситъ нѣкоторыя слова письма: *невозможно... никогда болѣе... никогда!*.. Она шатается, роняетъ письмо... Быстро выпрямляется, хватая себя за голову обѣими руками и кричитъ коротко и рѣзко: *кончено... кончено!* („На зарѣ“, д. V, послѣдняя сцена).

Зудермана въ отношеніи ремарокъ можно причислить къ «старовѣрамъ». У него указанія весьма несложны и касаются только внѣшнихъ проявленій. Даже такія содержательныя сцены, какъ первое появленіе Магды («Родина»), объясненіе ея съ Келлеромъ, застольная рѣчь Беаты («Да здравствуетъ жизнь») сопровождаются очень скудными ремарками, и искусство артистки должно здѣсь самостоятельно находить пути, творческимъ чутьемъ угадывая намѣренія автора.

Импрессионистъ.

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ.

Уваженіе къ павшему славною смертію знаменитому и крупному русскому человѣку заставляло молчать передъ посмертной выставкой его произведеній, заставляло желать одного, чтобы выставка эта прошла какъ можно скромнѣй и незамѣтнѣе, сопровождаемая общимъ грустнымъ и почти полнымъ молчаніемъ. Увы, за исключеніемъ нѣсколькихъ японскихъ картинъ, гдѣ дивная прелесть оригиналовъ заставляетъ себя чувствовать и въ добросовѣстномъ тщательномъ, мѣстами дѣйствительно живописномъ воспроизведеніи художника, за исключеніемъ нѣсколькихъ альбомныхъ набросковъ и рисунковъ, все остальное на выставкѣ не принадлежитъ къ области искусства, все остальное сплошное, печальное недоразумѣніе.

Но нельзя молчать, когда разные газетные писаки или по безграмотству, или по какому-то постыдному, фальшивому, оскорбительному для памяти Верещагина чувству, кричатъ о гениальности его, какъ живописца, сбивая окончательно съ толку стадо-публику, когда самъ аристархъ художественныхъ критиковъ Стасовъ въ своемъ обычно-барабанномъ фельетонѣ осмѣливается, отчасти конечно, вслѣдствіе своей «масститости», приравнять Верещагина къ Рембранду по поводу истинно диллетантской картины перваго «Старуха нищенка». Изумительно! Въ странѣ, гдѣ Левицкій, Боровиковскій, Кипренскій, Рѣпинъ, Суриковъ, Васнецовъ, Сѣровъ, Левитанъ, Нестеровъ, Малявинъ, цѣлая плеяда молодыхъ современныхъ художниковъ ярко, наглядно показали, гдѣ, въ чемъ заключается истинная живопись, истинное искусство; въ странѣ, которой, благодаря иностраннымъ выставкамъ не чуждо знакомство съ работами первокласснѣйшихъ европейскихъ мастеровъ, живопись Верещагина еще можетъ возбуждать споры, разногласія, — можно ли безъ всякихъ оговорокъ говорить о гениальности его *художественнаго* дарованія. Однако, такова еще наша некультурность, до такой степени царитъ въ вопросахъ искусства стадное чувство, что вполне возможно и такое явное, хотя и бессознательное поруганіе надъ искусствомъ!

Вѣдь такъ ясно, что Верещагинъ крупная, значительная интересная величина, но не *художественная*. По какому-то печальному недоразумѣнію, живопись послужила средствомъ, чтобы вылиться его своеобразной, крупной личности, полной противорѣчій. Онъ обладалъ отдѣльными крупнѣйшими чертами художника, ученаго, новатора, пропагандиста, страстного путешественника, которыя не слились въ одно гармоническое цѣлое, но которыя, каждая въ от-

дѣльности, настолько значительны, что оставили и оставить за собой слѣдъ и сохранять память о Верещагинѣ. Но именно въ живописи у него не было самого основнаго элемента художественнаго творчества, — любви къ формѣ, тонкаго пониманія ея, чутя ея; съ этимъ удивительно странно уживались феноменальное, геройское трудолюбіе, необыкновенная любовь къ точному воспроизведенію сложнѣйшихъ архитектурныхъ, орнаментальныхъ формъ. Стоитъ только вспомнить его знаменитые «Дверь Гамерлана», «Дверь мечети» или на послѣдней выставкѣ подготовительныя работы «Индійская мечеть», орнаментъ (№ 220). Какъ поразительна эта кропотливѣйшая, тщательная, женская, даже Сизифова работа на ряду со стихійностью, широтой — несомнѣнными свойствами если не исполнения, то существа батальныхъ картинъ! Мнѣ кажется, именно здѣсь сказались извѣстная грубость, математическое, а не художественное свойство натуры Верещагина. Ему доступна была осязатая, осязательная, под-

дающаяся точной передачей красота архитектурныхъ формъ и недоступна, непонятна высшая одухотворенная кра-

Въ роли Натана Мудраго.

А. Зонненталь.
(Къ 50-лѣтію сценич. дѣятельности).

Въ роли Фауста.

сота, величайшая тонкость формъ вообще, проникающая и всегда проникавшая высокую живопись. Онъ никогда не понималъ всей утонченной красоты детальности, подчиненной общей гармоніи, чѣмъ такъ велики старинные мастера намековъ, обобщенія, тонкой игры красокъ, и слѣдовательно не понималъ существа живописи, главной разницы ея съ фотографіей. Онъ стремился именно къ фотографіи, къ математической ясности въ самой передачѣ, какъ бы не подозрѣвая, что въ живописи все дѣло въ синтезѣ, въ интуитивномъ и одновременно сознательномъ выборѣ деталей, въ томъ глубокомъ изученіи и постиженіи, когда детальность не передается, но чувствуется, незримо присутствует. И посмотрите, какіе плачевные, даже ужасные результаты! Въ періодъ наибольшей славы, наибольшей энергии и свѣжести силъ, когда при томъ окружающая живопись, въ особенности русская не отличалась утонченностью, Верещагинъ казался и долженъ былъ казаться выдающимся художникомъ и въ смыслѣ воспроизведенія. Лучшія его картины

того времени дѣйствительно выдавались силой и вѣрностью красокъ, если не тонкимъ, одухотвореннымъ, то приличнымъ рисункомъ, а главное новизной, смѣлостью оригинальностью концепціи и всего построения (крупная художественная, новаторская черта, несомнѣнно присущая Верещагину). Съ тѣхъ поръ уткло много воды. Европейская живопись поразительно разцвѣла и утончилась. Верещагинъ стоялъ передъ ней какъ бы съ завязанными глазами.

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТ.-ХУДОЖЕСТ. ОБЩЕСТВА.

„Отвѣтъ Мольера“, Н. Долгова.

Г-жа Мирова (Мадлена Бежаръ).

тонкими переходами свѣта и тоновъ, гдѣ все видно, все ясно въ деталяхъ не художественно написанныхъ, даже не сфотографированныхъ, а протоколно указанныхъ, гдѣ рисунокъ, форма въ головахъ, частяхъ фигуръ, даже складкахъ платья такъ грубо, наивнопримитивно трактованы; мертвые изображенія горъ съ глухимъ небомъ, грубыми контрастами; какъ бы на смѣхъ выставленные головки («Татаринъ», «Южный типъ», «Грекъ» и др.), такъ напоминающія и по живописи и по рисунку работы учениковъ, впервые взявшихъ кисти въ руки; черные, плачевные пейзажи; робкіе, диллетантски слабые этюды; сухіе и нехудожественные рисунки и наброски... Право, развѣ бы только самое снисходительное жюри допустило эти работы на самую плохенькую выставку. Скажутъ, да и говорили уже и Стасовъ прокричалъ, что Верещагинъ не подходитъ подъ мѣрку современнаго «упадочнаго» искусства, отрицающаго его. Но подойдемъ къ нему съ мѣркой стариннаго искусства. Возьмемъ хотя бы нашихъ прекрасныхъ общепризнанныхъ мастеровъ Левицкаго, Боровиковскаго, Кипренскаго. Вѣдь они тоже «выписывали» детали, казалось бы ихъ живопись должна казаться сухой и не удовлетворять современному требованію, а между тѣмъ кто не восхищается безконечной прелестью, тонкостью, нѣжностью формы въ ихъ работахъ, гармоніей деталей и общою, чарующей гармоніей ихъ живописи? Именно грубость, примитивность, аляповатость формы, живописи такъ ужасаютъ въ работахъ Верещагина, такъ почти равняютъ его съ неучившимися богомазами. Вѣдь онъ такъ ясно, такъ наглядно выступаютъ во всѣхъ его послѣднихъ картинахъ, что странно какъ-то доказывать это, говорить объ этомъ.

Впрочемъ, увы! у насъ все еще надо доказывать, что безъ утонченной, художественной формы нѣтъ и не можетъ быть художника-живописца. Пусть

въ силу самоувѣренности онъ не хотѣлъ, въ силу недостатка основныхъ художественныхъ чертъ въ своей натурѣ, онъ не могъ—понять ее. Верещагинъ остался все тѣмъ же, съ той разницей, что сила и энергія поубавилось и во всей наготѣ выступило диллетантство, отсутствие серьезной науки, проникновения въ существо живописи. И вотъ онъ дошелъ до лубочныхъ ужасовъ картинъ наполеоновскаго цикла, всѣхъ картинъ занимавшихъ центръ послѣдней выставки. Отчетливыя металлическія фигуры съ черными тѣнями на металлическомъ фонѣ, какъ въ картинахъ «Шпіонъ», «Въ госпиталѣ», «Письмо къ матери» и др., гдѣ краски такъ ярки, грубы, безъ намековъ на живопись, съ ея безконечной игрой,

исторія учить, что переживаютъ столѣтія, остаются вѣчно свѣжими и прекрасными великіе, огромные таланты, прежде всего утонченные художники формы, Веласкецы, Рембрандты, Гольбейны, для которыхъ нѣтъ времени, пусть передъ глазами стоитъ вся роскошь, все богатство современной живописи, у насъ все еще идутъ дикіе споры и разговоры о формѣ и содержаніи, у насъ все еще возможны «глубокіе» художники-живописцы, не умѣющіе рисовать и писать. Пора же понять, что форма въ своемъ существѣ не есть техника, не есть что-то ремесленное, механическое. Форма—нѣчто мистическое, глубочайшее, не отдѣлимое отъ нашего глубокаго содержанія, она не есть только внѣшнее вы-

Рис. М. Слѣпана.

раженіе содержанія, она родится съ нимъ изъ одного родника, слита съ нимъ въ одно цѣлое, въ то необъяснимое, что называется талантомъ, даромъ истиннаго художника.

Нельзя выразить въ грубой, нехудожественной формѣ глубокое и художественное содержаніе. А такъ именно многіе говорили, говорятъ и думаютъ о Верещагинѣ. Ничего, кромѣ досадливаго тяжелаго чувства, не могутъ возбуждать картины, вродѣ картинъ наполеоновскаго цикла, филиппинскихъ, «Письма къ матери», ибо полное отсутствіе художественности въ ихъ воспроизведеніи преграждаетъ всякіе пути для ихъ воспріятія, для сладкаго отзвука, какъ бы не были онѣ умно задуманы, остроумно комбинированы и трогательны по темѣ. Здѣсь не богъ искусства, а грубая, мертвая его маска.

И личность, и заслуги Верещагина слишкомъ крупны. Весьма понятно, что лѣтъ 30, 20 назадъ онъ имѣлъ такой невѣроятный успѣхъ, гипнозъ котораго остался во всей силѣ до нашихъ дней и такъ ярко именно сейчасъ проявляется. Какъ это ни странно, но, не обладая цѣльнымъ художественнымъ талантомъ, онъ, благодаря природнымъ отдѣльнымъ крупнымъ чертамъ художника, явился дѣйствительно крупнымъ новаторомъ въ своихъ картинахъ войны, которыя сразу и навсегда заставили почувствовать всю фальшь, всю ничтожность такъ называемыхъ батальныхъ картинъ, писавшихся и до него и послѣ него; онъ былъ не фотографомъ, а умѣлымъ, страстнымъ и умнымъ наблюдателемъ войны, умѣвшимъ многое рассказать о ней. Вотъ его крупная литературная заслуга при помощи живописи. Нельзя отрицать и другой его новаторской смѣлости — попытокъ писать яркія солнечныя картины въ то время, когда у насъ по крайней мѣрѣ еще господствовала коричневая живопись.

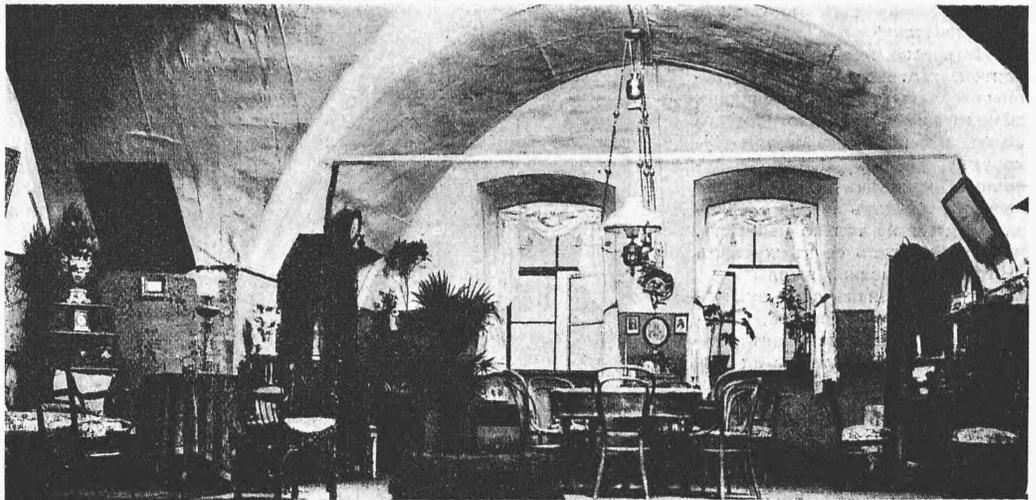
Наконецъ многія его извѣстныя картины съ архитектурными, бытовыми и костюмными мотивами навсегда останутся цѣнными для любого этнографическаго музея. Его кипучая энергичная дѣятельность, страстное упорство въ передачѣ наиболее интереснаго, что онъ находилъ во время своихъ путешествій по разнымъ странамъ, его коллекционерство, даже нѣкоторые литературные опыты—все это цѣнно и интересно. Сфера его дѣятельности была слишкомъ разнообразна, въ немъ такъ странно сливались черты художника, путешественника, этнографа, пропагандиста, воина.

Нашему музею Александра III, разумѣется, далеко до пантеона геніевъ живописи: онъ слишкомъ избилуетъ не характерными произведениями, хотя и занимающими скромное мѣсто, но удручающими своей численностью. Разумѣется, Верещагину должно быть удѣлено мѣсто въ музеѣ, какъ характерному живописцу, но водвореніе цѣликомъ всей егоогромной вы-

ставки, гдѣ столько слабого, не характернаго, а главное столько антихудожественнаго, какъ бы подчеркиваетъ исключительно выдающуюся роль Верещагина среди нашихъ художниковъ. Ну, представьте только себѣ на тѣхъ же стѣнахъ дивныя головки и портреты Боровиковскаго, Левицкаго, Кипренскаго, Рѣпина, даже портреты Крамскога, Ярошенко и «головки» Верещагина («Старуху-нищенку», «Старушку-воложанку», «Татарина», «Южный типъ», «Грекъ» и др.) или его черные мертвые пейзажи рядомъ съ пейзажами современной «левитановской» школы, или рядомъ съ прелестными картинами Сѣрова, Эдельфельдта рядъ картинъ «Письмо къ матери», жалко-дилетантскій, сухой портретъ г-жи Л. В. въ рабочемъ кабинетѣ (по Стасову: «высоко-художественный, чудесно изящный, колоритный и элегантный»). Пусть что-нибудь понимающіе въ живописи, осмѣлятся сказать, что такое сопоставленіе совершенно нормально.

Пусть, благодаря рѣзкости выражений, не упр-

— 3 — ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ. — 3 —

„Авдотына жизнь“, С. Найденова.

Декорация всѣхъ 4-хъ актовъ.

каютъ меня въ недостаткѣ уваженія къ памяти Верещагина, ибо рѣзкость эта вызвана не имъ, не его дѣятельностью. Какъ бы ни были намъ близки и дороги извѣстные люди, какъ бы ни трогала насъ трагическая и достойная кончина, нельзя при оцѣнкѣ художественной дѣятельности быть загнипнотизированнымъ, какъ бываетъ загнипнотизирована толпа, нельзя не требовать прежде всего искренности, честности. Искусство стоитъ такъ безконечно высоко, надо служить ему съ такимъ благоговѣніемъ, съ такой вдумчивостью, съ такой суровостью оцѣнки!

Къ чему же эти явно неискренніе, фальшивопостыдные восторги людей понимающихъ и компетентныхъ, такъ одурманивающихъ толпу? Зачѣмъ это вѣчное повтореніе сказки про голаго короля, гдѣ столько позорной трусости и жалкой лести? Зачѣмъ это вѣчное стадное, глубоко по моему оскорбительное для памяти покойныхъ, преувеличиваніе ихъ заслугъ? Почему вмѣсто криковъ о гениальности, въ которыхъ всегда столько легкомыслія, столько дешеваго, дутаго паѳоса, не воздать должнаго крупной личности и крупной дѣятельности покойнаго Верещагина?

А. Ростиславовъ.

„БЕЗПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ“.

(Изъ воспоминаній о Н. Ф. Бунаковѣ).

I.

Умеръ Николай Федоровичъ Бунаковъ. Похороны его совпали съ большимъ подъемомъ общественнаго духа и этотъ скромный, но „безпокойный“ человекъ, оказался „безпокойнымъ“ и послѣ смерти—его похороны стали общественнымъ событіемъ. И прислушиваясь къ рѣчамъ, хочется воскликнуть: „Побѣдилъ „школьный учитель“!..

Бунаковъ любилъ рассказывать о томъ, какъ ему приходилось отстаивать свой народный театръ, въ которомъ мѣстное начальство пыталось открыть крамолу.

— Дойдетъ до меня слухъ, — рассказывалъ онъ, — что на театръ нашъ начинаютъ коситься, а я возьму и пошлю къ подписи афишу „Жизнь за Царя“, и опять ничего.

И такъ изъ года въ годъ ставилъ онъ въ своемъ петинскомъ театрикѣ свою маленькую пьеску, передѣланную изъ опернаго либретто.

Подумаешь, какое страшное преступленіе было со стороны „школьнаго учителя“ собирать не только взрослыхъ мужиковъ и бабъ, но даже ребятъ школьнаго возраста и разыгрывать передъ ними съ своими учениками такія страшныя вещи, какъ „Степка Отпѣтый“ или „Не такъ живи, какъ хочется“!

Интересно, между прочимъ, то обстоятельство, что Бунаковъ заинтересовалъ своихъ учениковъ сценами изъ хроники Островскаго „Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ“. Вскорѣ этотъ „безпокойный“ человекъ написалъ для своихъ учениковъ пьеску „Жизнь за Царя“, и не только написалъ, но даже пустилъ ее въ журналъ „Читальня народной школы“.

Бунаковъ зналъ свою аудиторию, любилъ ее, понималъ.

Чуткой душой понималъ онъ что *нельзя не отвѣчать на запросы народа* и въ то же время можно дѣлать большое дѣло.

Но народъ видѣлъ одного Бунакова. Тотъ же Бунаковъ водилъ рукою другого Бунакова, который писалъ: „...Извѣстно, что у насъ еще довольно людей, которые считаютъ выгодными для себя не только народную бѣдность, но и невѣжество, даже и пьянство и полный развратъ... Вотъ эти-то господа особенно усердно воюютъ противъ народной школы, противъ расширенія ея программы, противъ народныхъ чтеній — и противъ народнаго театра, да и вообще противъ всего, что можетъ внести въ народную жизнь хоть одинъ лучъ свѣта...

— И они-то именно прикрываютъ свое гадкое своекорыстіе лицемѣрными фразами о святости и неприкосновенности народнаго духа, вѣковыхъ основъ народной жизни, о народной правдѣ, о преклоненіи передъ нею... Лицемѣры! они не способны ни передъ чѣмъ преклоняться, кромѣ своего кармана, и ради барыша готовы пожертвовать всѣмъ на свѣтъ“... (Статья „Сельская школа и народная жизнь“ глава X „Опытъ народнаго театра“ въ журналѣ „Русскій начальный учитель“ 1892 г. декабрь).

Такъ писалъ этотъ „безпокойный“ человекъ. Судьба дала мнѣ счастье столкнуться съ нимъ лѣтъ десять тому назадъ.

Завязалась переписка, преимущественно по вопросамъ народнаго театра и народныхъ развле-

ченій вообще. Въ то время его трезвый взглядъ на дѣло особенно былъ цѣненъ для того небольшого кружка лицъ, преданныхъ идеѣ народнаго театра, къ числу которыхъ принадлежалъ и я. Въ 1894 г. мы были заняты подготовительными работами къ устройству отдѣла народнаго театра для московской сельско-хозяйственной выставки, и только что цитируемая статья Бунакова готовилась быть въ нашемъ отдѣлѣ самыми скромными по размѣрамъ и въ то же время однимъ изъ самыхъ почетныхъ экспонатовъ.

II.

Всероссійская сельско-хозяйственная выставка въ 1895 г. въ московскомъ манежѣ совпала съ вторымъ съѣздомъ (выставкой при немъ) дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Эти нѣсколько недѣль, захватившія конецъ 1895 и начало 1896 г. были временемъ очень большого оживленія московской интеллигенціи. Москва достойно встрѣчала лучшихъ русскихъ людей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ на съѣздъ, который обѣщаль быть гораздо шире официальной программы.

Много „безпокойныхъ“ людей и въ числѣ ихъ Бунаковъ вдругъ появились на московскомъ горизонтѣ. Лихорадочная работа по устройству отдѣла Комитета Грамотности на выставкѣ въ манежѣ сдѣлалась какъ-то сразу еще лихорадочнѣе—появились экспоненты, авторы картограммъ, докладовъ, обѣщавшихъ вызвать острый интересъ въ публикѣ.

Помню, пришлось въ одну ночь водрузить на мѣстѣ всѣ экспонаты по народному театру. Уголокъ этотъ выпалъ на долю устраивать мнѣ въ сотрудничествѣ съ Н. И. Тимковскимъ, глубоко интересовавшимся народнымъ театромъ.

На утро нашъ уголокъ былъ почти готовъ. На полу валялись еще кое-гдѣ ящики, свертки, кипы театральныхъ афишъ. Кругомъ стукотня, говоръ сотни людей, ревъ животныхъ изъ сельско-хозяйственнаго отдѣла.

— Брошюрка и картограммъ, вещи небольшія.

— Ваша фамилія? Вещи, вѣроятно, здѣсь, если мы ихъ получили.

— Фамилія моя Бунаковъ.

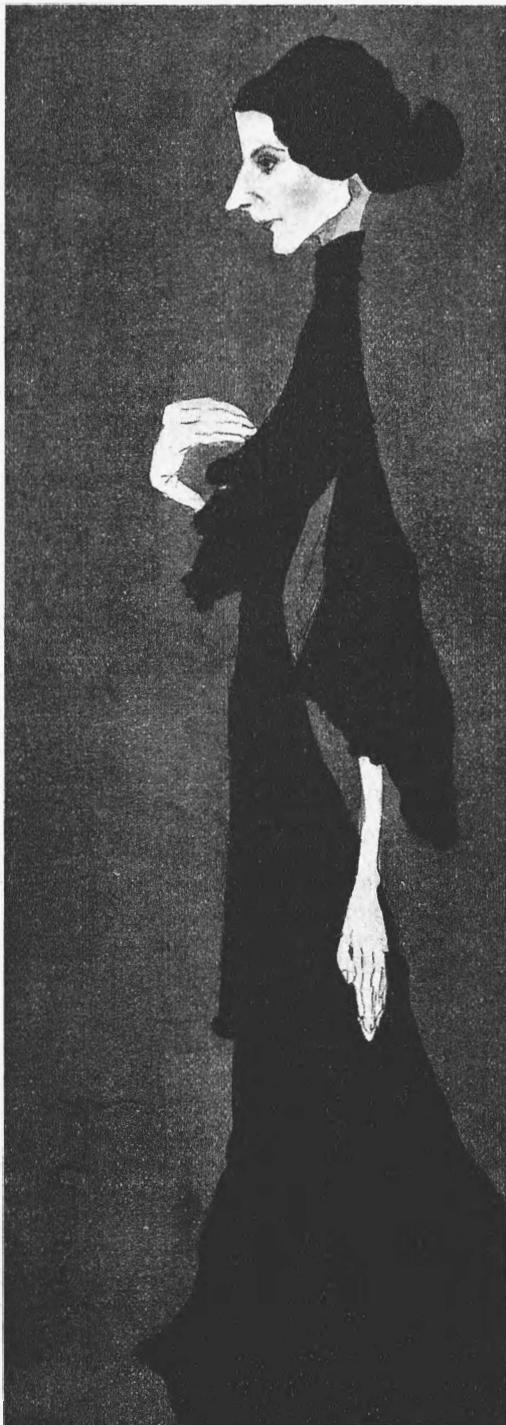
Такъ вотъ кто Бунаковъ! Сколько лѣтъ для меня статьи этого человекъ были руководащими при устройствѣ фабричныхъ и народныхъ спектаклей—и вдругъ такая случайная встрѣча, при обстановкѣ, правда, не совсемъ случайной!

И вотъ во время этой суматохи, среди мусора и всякихъ ящиковъ, вижу пробирается къ намъ почтеннаго вида господинъ въ шубѣ и мѣховой шапкѣ и у встрѣчныхъ рабочихъ и артельщиковъ конфузливо спрашивается, гдѣ бы узнать, дошелъ ли изъ провинціи его экспонатъ.

— Какой?

Экспонатъ былъ не только налицо, но уже водруженъ на мѣсто однимъ изъ первыхъ, какъ любимая драгоценная вещь. Слушая мои горячія слова, Бунаковъ скромно улыбался. Но было видно, какъ ему дорого сочувствіе.

Тутъ же, до открытія выставки, получилъ я въ подарокъ тотъ экземпляръ статьи Бунакова о народномъ театрѣ, который былъ въ числѣ экспонатовъ; экземпляръ этотъ съ автографомъ автора, лежитъ сейчасъ передо мной на столѣ. Одно за другимъ встаютъ въ памяти воспоминанія

А. П. Домашева.

(Шаржъ). Рис. А. Любимова.

о дежурствѣ на этой выставкѣ, гдѣ съ легкой руки Бунакова посчастливилось завязать знакомства и съ другими выдающимися дѣятелями въ области народнаго просвѣщенія...

Левъ Толстой, В. С. Сърова, И. И. Горбуновъ-Пасадовъ, А. Н. Веселовскій, И. Л. Шаповъ, Н. И. Стороженко—педагоги, писатели, журналисты, артисты... Понемногу созрѣлъ планъ—весь находящійся въ отдѣлѣ Комитета Грамотности матеріалъ, такъ или иначе освѣщающій вопросъ народномъ театрѣ, издать въ видѣ сборника съ необходимымъ количествомъ иллюстрацій. Одинъ изъ нашихъ съ Н. И. Тимсковскимъ первыхъ визитовъ для осуществленія этого плана былъ къ Н. Ф. Бунакову, остановившемуся въ какой-то небольшой гостиницѣ на Тверской близъ Охотнаго ряда. Николай Федоровичъ, звавшій насъ къ себѣ потолковать о любимомъ дѣлѣ, не былъ подготовленъ къ болѣе определенной цѣли нашего визита. Съ большой готовностью пообѣщавъ принять участіе въ нашемъ сборникѣ, онъ тутъ же сталъ припоминать и рассказывать различные случаи изъ своей практики, намѣчая такимъ образомъ цѣлый рядъ вопросовъ.

Нѣсколько недѣль спустя, уже изъ деревни, онъ писалъ мнѣ, что опять его деревенскіе актеры принуждены были разыграть ту же пьеску: „Ничего особеннаго—стоитъ въ его письмѣ отъ 15 февраля 1896 г.—на нашихъ спектакляхъ не произошло. Сошли они особенно удачно, въ смыслѣ исполненія, оживленія и сборовъ...”

Публикѣ всего больше понравились „Жизнь за Царя”—героическимъ долгомъ Сусанина и хорами и „Бобыль”—комическими сценами и характерами, а также народными играми, соединенными съ пѣніемъ...”

И все же театръ его, просуществовавъ нѣкоторое время, былъ закрытъ.

Сборникъ, о которомъ шла выше рѣчь, я издалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ закрытія выставки. („Народный театръ” сборникъ. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Москва, 1896 г.) Тамъ читатели найдутъ и статью Н. Ф. Бунакова „Размышленія” по поводу выставки народнаго театра и выдержки изъ его стѣтїи „Опытъ народнаго театра” и текстъ картограммы, которую онъ экспонировалъ. Театръ его дѣйствовалъ обыкновенно только отъ Рождества до Великаго поста—но результаты его опыта для насъ въ тысячу разъ цѣннѣе, чѣмъ отчеты самыхъ большихъ народныхъ театровъ: онъ любилъ народъ, и, дѣлая свое скромное дѣло, чутко прислушивался къ его запросамъ. Многие ли умѣютъ соединять любовь къ просвѣщенію народа съ сохраненіемъ уваженія къ этому самому народу? Онъ умѣлъ понять величіе въ подвигѣ Сусанина, и все-таки „безпокойный” былъ человѣкъ.

Перебирая письма Николая Федоровича, я натолкнулся на одно, которое, помню, въ свое время не могъ оцѣнить по достоинству. Письмо это было написано въ отвѣтъ на мое предложеніе прислать въ с. Петино, въ болѣе или менѣе постоянную тогда резиденцію Николая Федоровича (это было въ 1898 г.), передвижную народную картинную выставку.

Выставку эту я затѣялъ съ цѣлью выяснитъ вкусы народа въ области живописи, и провѣрить такимъ образомъ свои наблюденія надъ запросами народа въ области художественныхъ и „разумныхъ” развлеченій вообще. Выставка моя въ то время совершала уже свои путешествія.

Состояла она изъ нѣсколькихъ десятковъ олеографій, главнымъ образомъ съ картинъ наиболѣе выдающихся русскихъ художниковъ. По поводу этой затѣи Н. Ф. отвѣтилъ мнѣ большимъ письмомъ. Вотъ оно:

„Спасибо за память. Идея Вашей выставки мнѣ очень по душѣ; коллекція Ваша, судя по каталогу, очень интересна и цѣлесообразна. Очень радъ буду посмотрѣть ее въ Стародубѣ и очень желалъ бы залучить въ Петино”.

Затѣмъ, обращаясь къ грозившему деревнѣ голоду, Н. Ф. писалъ: „Надо будетъ собирать средства и силы для организаціи общественныхъ работъ, чтобы каждый нашелъ возможность

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

Вертинская (г-жа Музиль). Теръ-Хатуровъ (г. Степановъ). Свищовъ (г. Мальскій). „Вѣчный праздникъ”.

дома зарабатывать себѣ хлѣбъ и кормиться, не роняя своего человѣческаго достоинства, ни передъ кѣмъ не унижаясь, ни кому не обязываясь. Я рѣшительный врагъ даровой кормежки, особенно въ формѣ столовыхъ, куда сгоняютъ людей къ ѣдѣ, какъ свиней къ корыту. *Столовая*, по моему убѣжденію, барская выдумка, какъ средство тѣшить *барское тщесловіе* и *закрѣпощать* новымъ способомъ свободныя крестьянскія души. *Нужно другое*. По моему не столько страшна „безхлѣбница” сколько „безработица”, ее сопровождающая и приводящая людей къ страшному униженію, къ нравственному паденію и утратѣ послѣднихъ остатковъ человѣческаго достоинства”.

Комментировать это письмо излишне. За „безпокойство” и его, уже дряхлаго совѣтъмъ человѣка, продолжали „безпокойтъ”. Да будетъ послѣдній сонъ его покоенъ!

Николай Потовъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Надняхъ я смотрѣлъ въ «Драматическомъ театрѣ» пьесу Бара «Мастеръ» (подъ названіемъ «Необыкновенный человѣкъ» въ перев. З. А. Венгеровой, пьеса будетъ дана въ «Библиотекѣ» будущаго года). Баръ—блестящій критикъ. Это уже до известной степени исключаетъ, на мой взглядъ, цѣльность и наивность художественнаго созданія. Есть внутреннее противорѣчіе, внутренний разладъ между мыслью, разумомъ и мистическою тайною творчества; между идеей, созданіемъ отвлеченной мысли, и инстинктами; между моралью, воздвигаемою разумомъ, и бессознательною моралью нашихъ привычекъ и унаслѣдованныхъ стремленій.

Баръ—доказалъ это своей пьесой. Герой его, «мастеръ» Дурь, талантливый хирургъ, доказалъ это своимъ отношеніемъ къ женѣ. Съ содержаніемъ пьесы читатели могутъ познакомиться по рецензіи о постановкѣ этой же пьесы въ Новомъ театрѣ. Дурь представленъ авторомъ, въ качествѣ «сверхъ-человѣка». Легкость, свобода, рѣшимость—таковы

главныя черты его идеала. Онъ легко дѣлаетъ самыя трудныя операци, и оттого онѣ ему удаются; онъ легко смотритъ на отношенія къ женщинамъ, и потому, вѣроятно, онѣ ему такъ легко отдаются и такъ подчиняются. Въ качествѣ освобожденнаго отъ условной морали «сверхъ-человѣка», онъ допускаетъ «капризы чувства», но когда жена, измѣнившая ему съ графомъ, рѣшаетъ уйти отъ него, онъ впадаетъ въ ярость и очень сильно страдаетъ, хотя и прикрываетъ эти страданія различными отвлеченными разсужденіями.

Совершенно ясно слѣдуетъ, что «сверхъ-человѣкъ» не удался. Что значитъ допускать «капризы чувства»? Для себя — это понятно. Но допустить эти «капризы» любимому человѣку можно только въ теоріи, но не чувственнымъ разумомъ, не глубиной всей своей природы. «Допустить» т. е. простить, примириться — это зависитъ отъ боли, отъ силы страданія, отъ переносимости муки. Но «допустить», оставаясь равнодушнымъ, — значитъ, не чувствовать. «Сверхъ-человѣкъ» рѣшаетъ свои проблемы математически, представляя алгебраическія выраженія. Но рѣшая задачи эти въ жизни, онъ неизбежно сталкивается съ чувственнымъ ихъ выраженіемъ, съ собственною природою, которая создана не однимъ разумомъ и отвлеченною мыслью, но безконечнымъ рядомъ поколѣній, живущихъ въ человѣческой природѣ своими образованіями. Баръ могъ оставить своего героя равнодушнымъ къ измѣнѣ жены. Но тогда никто изъ зрителей не повѣрилъ бы въ то, что онъ ее любитъ. Заставивъ же его страдать, онъ подписалъ приговоръ своему сверхъ-человѣку: нельзя претендовать на божественность, не побѣдивъ въ себѣ человѣка.

Нѣмецкаго «сверхъ-человѣка» слѣдуетъ, такимъ образомъ, признать столь же неудачнымъ, какъ и русскихъ его коллегъ. На этомъ примѣрѣ еще разъ подтвердилась старая моя мысль, что не философія должна питать искусство, а искусство должно питать философію; что сначала является нѣкоторое бессознательное явленіе искусства, и затѣмъ отъ этого солнца исходитъ новое мірозданіе. Сверхъ-человѣкъ Ницше данъ нѣкоторыми фигурами Ибсена, Достоевскаго, навѣяны «Цвѣтами зла» Бодлера, настроеніями Поэ. Не философіи, не мысли, не разуму дано угадывать и прозрѣвать, но мистическому чувству художника.

Я недавно читалъ письма Ибсена къ Бьернсону. «Среди житейскихъ всякихъ дѣлъ и всякой пошлости и прозы», мѣстами проскальзываютъ замѣчанія Ибсена о собственныхъ пьесахъ. Но напрасно стали бы мы искать у Ибсена *пониманія* того, что составляетъ его красу, его поэтическую натуру, его художественное видѣніе. Подобно большинству великихъ художниковъ, онъ усматриваетъ въ своихъ произведеніяхъ какъ разъ не то, что въ немъ есть самого дорогого и цѣннаго. Мы встрѣчаемъ здѣсь отголосокъ литературныхъ и политическихъ счетовъ, разсужденія, указанія на бытовья особенности, но нигдѣ не находимъ упоенія собственною поэзію и какихъ либо комментариевъ къ символизму и таинственнымъ сторонамъ человѣческаго духа, открытыхъ Ибсеномъ. По поводу не понравившейся Ибсену критической статьи Петерсена, онъ пишетъ:

«Онъ говоритъ, что наша эпоха черезчуръ склонна къ слишкомъ толкимъ объясненіямъ и что, поэтому, многіе думаютъ, напримѣръ, что колдуньи въ «Макбетѣ» представляютъ то, что происходитъ въ душѣ Макбета. И въ той же статьѣ онъ утверждаетъ, что мой помѣшанный пассажиръ символизируетъ «страхъ». По этому рецепту я берусь перевести въ аллегоріи всѣ твои произведенія, какъ и

произведенія любого поэта. Возьмемъ, напр., «Götz von Berlichingen» — и скажемъ, что Гетцъ олицетворяетъ потребность свободы, которая волнуетъ душу народа, а императоръ представляетъ понятіе государства. Что изъ этого будетъ слѣдовать? Что это перестанетъ быть поэзіей».

Послѣдующія произведенія Ибсена, однако, доказали, насколько Ибсенъ самъ себя не понималъ...

Хотите съ другого конца? Левъ Толстой! «Гайновидецъ плоти», какъ его совершенно справедливо и очень мѣтко назвалъ г. Мережковскій, проникновенно постигавшій, чувственную сторону жизни, пластическій и образный въ своемъ творчествѣ, Толстой всѣмъ своимъ разсужденіемъ и моральнымъ ученіемъ отвергаетъ именно чувственную сторону жизни, т. е. то, что всего ярче запечатлѣно и угадано его художественнымъ гениемъ...

Я не знаю, есть-ли «сверхъ-человѣкъ». Частицы его разсѣяны въ современномъ духѣ. Можетъ быть онъ существуетъ и цѣльною личностью. Но во всякомъ случаѣ, онъ наименѣе отдаетъ себѣ отчетъ именно самъ, а живетъ, какъ роза цвѣтетъ, какъ поетъ птица, легко, свободно, бессознательно, не подобравъ къ своему сверхъ-человѣчеству ни философскаго языка, ни какого-либо особаго спеціальнаго названія...

О судьбѣ таланта, о жизни «мастера», хотя и съ другой стороны, говоритъ и новая пьеса И. Н. Потапенко «Крылья связаны». Отчетъ о спектаклѣ читатели найдутъ въ ближайшемъ номерѣ, «Театра и Искусства». Я хочу сказать только объ одной интересной сторонѣ, затронутой въ пьесѣ И. Н. Потапенко — о затратѣ творческихъ силъ, въ обмѣнъ на мѣдъ звенящую и кимваль бряцающую, и даже больше на первую, нежели на вторую. Какъ и въ пьесѣ Бара, «мастеръ» г. Потапенка — талантливый докторъ — погибаетъ для науки подъ бременемъ ежедневной работы. Погибаетъ такъ же и актеръ для искусства, писатель для литературы. Въ самой духовной организации даровитыхъ людей заключается великая опасность: это — растяжимость продуктивной способности талантливаго человѣка.

Принадлежъ немного, растянулъ тугую и упругую творческую мысль — являются новыя деньги. И этотъ соблазнъ такъ великъ, резинка творчества такъ легко поддается растяженію, что большая рѣдкость встрѣтить талантливаго человѣка, который сохранилъ до сдѣхъ волосъ ясную мысль, воображеніе и запасъ творчества. Растягивалась, растягивалась резинка съ каждымъ разомъ все легче, а кончилось тѣмъ, что осталась обыкновенная ленточка, которую еще можно что-нибудь обмотать, но изъ которой выдернуты всѣ двигательныя мышцы...

Давно уже, такъ давно, что мнѣ это смутно припоминается, я читалъ разсказъ Додэ «Золотой человѣкъ». Разсказъ написанъ съ обычнымъ искусствомъ этого первокласснаго мастера, мягко, нѣжно, любовно, и чѣмъ мягче и нѣжнѣе краски, которыми пишетъ Додэ, тѣмъ сильнѣе, драматичнѣе развитіе самаго сюжета. Золотой человѣкъ — это писатель и какъ обыкновенно бываетъ съ золотомъ, со всѣхъ сторонъ его обступаютъ «старатели», въ надеждѣ отколупнуть кусочекъ драгоцѣннаго металла. И вотъ, онъ чеканитъ золотые. Онъ чеканилъ ихъ такъ много, съ такою легкостью, съ такою свободою, что жена его, главная старательница, и всѣ вокругъ были искренно убѣждены, что это золотой человѣкъ. И вдругъ, когда потребности разрослись, когда золото пріучились бросать пригоршнями, когда фантазія стала придумывать, надѣясь на неизсякаемость источника, самая широкая траты и необыкновенныя удвольствія, — золотой человѣкъ пересталъ выбрасывать

золото. Я не помню, какъ изображенъ конецъ у Додэ. Я-бы сдѣлалъ изъ этого драматическую сказку во вкусѣ Гофмана. Ночью главная старательница должна была-бы подкрасться съ острымъ ножомъ, и воспользовавшись сномъ золотого человѣка, вонзить ножъ въ грудь его, чтобы посмотреть, что стало съ механизмомъ, выбрасывавшимъ золотые, и нельзя-ли починить его, подливъ туда деревяннаго масла и вколотивъ пару крѣпкихъ гвоздей.

Весь драматизмъ талантливаго человѣка, а именно талантливые люди легко зарабатываютъ крупныя деньги и еще легче ихъ тратятъ — заключается въ томъ, что онъ, самъ того не замѣчая, покупаетъ житейскій комфортъ и земныя блага цѣною опустошенія собственной души. Помните у Гейне, полное юмора и блеска, разсужденіе о дуракахъ, которые его кормятъ и содержатъ? Однимъ дуракомъ онъ пообѣдаетъ, за другого ему въ самомъ лучшемъ магазинѣ дадутъ мягкій диванъ съ пружинами, третьяго, самаго крупнаго, онъ отдастъ въ уплату хозяину за квартиру. Какъ много, увя, здѣсь остроумія и какъ мало правды! О, если-бы дураки представляли только мѣновой товаръ, если-бы они не требовали ни перегонки, ни обработки, если-бы отъ обращенія съ ними не сыпались, какъ при работѣ пилы, мелкія опилки, и съ этими опилками не уходила-бы часть собственного бытія, не разсѣивались-бы въ прахъ, въ ненужную мелочь, въ пошлый соръ твердое ядро внутренней жизни! Если-бы!.. Но это не такъ, къ сожалѣнію.

Существуетъ старинный миѳъ о чудовищѣ, которое питалось собственными потрохами. Такова эмблема жизни таланта. Есть что-то ужасное въ этомъ кругооборотѣ матеріи и силы, въ превращеніи идей, мысли, одухотворенныхъ проблесковъ творческаго настроенія, которые никому недоступны (о, иронія судьбы!) кромѣ тѣхъ, кто изъ нихъ вынужденъ дѣлать самое пошлое употребленіе—въ предметы житейскаго обихода. Все, рѣшительно все, что окружаетъ талантъ, его платье, его пища — носитъ на себѣ печать органическаго происхожденія отъ его творческаго духа. И не то постыдно, что, какъ говорить Левъ Толстой, я имѣю тебѣ нѣчто сказать, дай мнѣ рубль, а то невообразимо тяжело, что за твои рубли я плачу своими дребезжащими нервами, своимъ трепещущимъ сердцемъ, своимъ возбужденіемъ и своей тоской.

Въ стрѣж жизни, въ зигзагахъ, повышеніяхъ и уклоняхъ карьеры таланта есть много общаго съ судьбою дамы полу-свѣта. Во-первыхъ, за все заплачено сполна не мѣновыми знаками и обиходною монетою, а реализаціею собственного существа. Во-вторыхъ, съ одинаковымъ неразуміемъ производятся безумныя траты, сыплется пригоршнями золото и мало думается о завтрашнемъ днѣ, который наступитъ, который долженъ наступить и который не можетъ быть лучше вчерашняго, потому что на-рости ничего неросло, а уменьшиться — уменьшилось. И когда наступаетъ день кризиса, онъ застаетъ всегда въ расплохъ, съ привычками къ роскоши, съ твердымъ убѣжденіемъ, что стоитъ колупнуть себя, чтобы отвалился кусокъ золота, съ поднятымъ самолюбіемъ, а вокругъ обычный пиръ жизни, грохотъ комплиментовъ, ласковыя улыбки приживальщиковъ, и старый калейдоскопъ отношеній, связей, бесспорныхъ условностей и удовольствій, превратившихся въ обязательство.

До этого трагизма И. Н. Потапенко не довелъ своей пьесы. Но хорошо, что онъ хотя намѣтилъ путь саморазрушенія, которымъ идетъ талантъ...

А. Кугель.

ПИСЬМА ИЗЪ САРАТОВА.

Опереточная труппа г. Новикова, проигравъ 2½ мѣсяца, нанесла г. Соболичкову ощутительный вредъ и сама понесла убытки. До двухъ театровъ городъ не доросъ... А впрочемъ, еслибъ Дума не дѣлала изъ городского театра доходной статьи и еслибъ опереточныя звѣзды не цѣнили свое искусство чрезмерно высоко, то, вѣроятно, оба антрепренера, гг. Соболичковъ и Новиковъ, не могли-бы жаловаться. Когда средней сборъ въ провинціальномъ театрѣ достигаетъ 450 р. то жить можно.

Главный доходъ опереточной кассѣ давали, безъ сомнѣнія, гг. Блюменталь-Тамаринъ и Никитина; они являлись притягательной силой. Но эти-же артисты составляли и крупную расходную статью, для покрытія которой вечеровой сборъ долженъ сильно повышаться. Вообще, любители оперетки, прожигующіе въ Саратовѣ, такъ сказать, небольшой колоніей, могутъ поблагодарить г. Новикова: его труппа была хороша, постановка и обстановка — подчасъ не по Саратову. Но вся штука въ томъ, что оперетоманы вырождаются, а въ нашемъ городѣ они, кажется, и не нарождались. Не нарождались, по крайней мѣрѣ, въ такомъ количествѣ, чтобы окупать особый театръ, особое предпріятіе. Сначала на оперетку набросились съ жаромъ; на улицахъ повторялись острья шутки г. Блюментала и разные мотивы. Потомъ, уже черезъ мѣсяцъ, волна увлеченія отхлынула. Искусственно повысились сборы съ крупнымъ извѣщеніемъ на афишахъ о скоромъ отъѣздѣ, хотя этотъ скорый отъѣздъ затянулся мѣсяца на полтора. Рекламки окончательно перестали дѣйствовать. Убытокъ росъ. Въ концѣ-концовъ, подсчитавъ кассу г. Новиковъ, нашель, что изъ Саратова дѣйствительно необходимо убираться: недобора около 8 тыс. Послѣ 15-го ноября театръ Очкина остался безъ зрѣлищъ. Въ половинѣ декабря пріѣдетъ изъ Одессы драматическая труппа г. Долинова. Ей придется уже конкурировать съ оперой. Тогда мы увидимъ, достаточно-ли публики для одновременнаго существованія двухъ „серьезныхъ“ искусствъ.

Драма въ городскомъ театрѣ заканчиваетъ свое пребываніе 7-го декабря. Я думаю, можно подвести итоги.

Репертуаръ отличался обычнымъ для провинціи разнообразіемъ, за которымъ нѣтъ опредѣленнаго характера, выдержаннаго плана. Легкая комедія типа „фарса“ отсутствовала; труппа больше налегала на драму. Но и въ такомъ репертуарѣ много того разнообразія, которое граничитъ съ пестротой. Пьеса современнаго содержанія съ грузными драматическими положеніями чередуется съ исторической фееріей, сдѣланной изъ „Камо грядеши“; за комедіей стараго реальнаго направленія шла какая нибудь вещь съ „настроениемъ“. А во всю эту смѣсь бокомъ протискивалось произведеніе Островскаго или „Плоды просвѣщенія“. Зачѣмъ такая пестрота? Винить-ли за это дирекцію. Не думаю. Не знаю какъ относительно другихъ крупныхъ городовъ; можетъ быть, въ Кіевѣ и Харьковѣ выдержанный репертуаръ опредѣленнаго характера вполне окупитъ данное театральное предпріятіе. Но за нашимъ хваленнымъ Саратовомъ имѣется, по моему мнѣнію, невѣрная репутация. Съ какихъ-то поръ въ мѣрѣ артистовъ стали называть его городомъ театральнымъ. Еслибъ подъ театральнымъ разумѣть городъ, гдѣ особенно любятъ театръ, а не другое зрѣлище, то въ этомъ смыслѣ мы вовсе не театральны. Саратовъ одинаково набрасывается на циркъ, на звѣринецъ, на что угодно; я думаю, это вездѣ такъ. Но чтобы мы любили, цѣнили и понимали серьезное театральное зрѣлище, обь этомъ убѣдительныхъ свѣдѣній въ мѣстныхъ лѣтописяхъ не имѣется. Будутъ давать оперетку — мы будемъ любить и ее и насвистывать куплеты изъ „Бѣднаго Юнафана“. Если оперетку смѣнитъ опера, мы и къ ней приспособимся и начнемъ выводить рулады. Пріѣдетъ драма — милости просимъ и драму. Любой родъ изъ этихъ разнородныхъ искусствъ способенъ наполнить наше вниманіе въ одинаковой мѣрѣ. Важно только, чтобы они, эти роды, существовали у насъ не одновременно, потому что насъ мало, насъ для всѣхъ не хватитъ. Когда дирекція Саратовскаго драматическаго театра пестритъ репертуаромъ, она только приспособляется къ мѣстнымъ вкусамъ. Давать серьезные вещи систематически и постоянно — это скучно, театръ пустуетъ. Не придерживаться „солиднаго тона“ тоже не хорошо. Самое лучшее мнѣять и мѣшать все понемножку. Тогда можно восте дѣло съ достаточнымъ барышемъ, тогда можно держать большую труппу, тогда Саратовъ кажется очень театральнымъ. Вотъ по какой причинѣ всѣ наши антрепренеры „виновны, но заслуживаютъ снисхожденія“.

Перечислять всего, что поставилъ г. Соболичковъ, нѣтъ надобности. Но надо сказать о новыхъ пьесахъ и обь ихъ успѣхахъ. По этой части было тоже весьма разнородно. Больше количество представлений, кажется, выдержала знаменитая „Катюша Маслова“. Та раздѣлка, которой подверглась въ столичной печати эта передѣлка, могла только возбудить любопытство публики, и произведеніе г. Арбенина пошли смотрѣть большою массой. Смотрѣли и ругались, ругались, но смотрѣли. Дирекція, впрочемъ, оказала г. Арбенину значительную услугу,

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ
ТЕАТРЪ.

„Жанина“.

Г. Поморцевъ (режиссеръ
цирка Мольте).

хія страсти, оглашаетъ все громадное помѣщеніе потрясающими криками гнѣва или ужаса, а на повѣрку выходитъ, что весь этотъ взрывчатый драматизмъ въ половину излишенъ. Вотъ когда талантливая артистка умѣритъ этотъ пылъ и будетъ расходовать свой внутренній матеріалъ къ мѣсту и ко времени, это будетъ сильно и прекрасно. Бравировать ничѣмъ не слѣдуетъ, а расточительность—во всемъ большой порокъ. Наконецъ, этотъ потокъ гранатъ и шрапнелей страсти сначала кажется зрѣлищемъ величественнымъ, а потомъ, удручаетъ самаго невоспримчиваго наблюдателя. Мы предпочитали наслаждаться игрой артистки въ роляхъ безъ бурныхъ душевныхъ аффектовъ. Такова, на примѣръ, героиня въ „Карьерѣ Наблюдателя“, гдѣ артистка проявила много непосредственного чувства и подкупающей простоты. Съ такими-же цѣнными достоинствами исполненъ рядъ другихъ ролей, включительно до Толбухиной въ „Плодахъ Просвѣщенія“. Другая исполнительница на первой роли—г-жа Моравская. Что объ ней сказать? Кажется, за три мѣсяца можно бы показать себя со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ мы не рѣшаемся высказать обоснованное мнѣніе. Какъ это ни странно, но думается, что г-жа Моравская не та артистка, какой она представляется нашей публикѣ. Прежде всего трудно назвать большую отвѣтственную роль, исполненную ею. Много изъ того, что было сыграно, вышло какъ-то тускло: а многое изъ того, что г-жа Моравская должна бы сыграть, въ ея распоряженіе не попало. Этимъ я не хочу сказать, что виноваты какія либо закусильныя давленія; вполне вѣроятно, что виновата сама артистка, претендовавшая не на свое дѣло и не угадавшая своего назначенія. Всѣ данныя для изображенія кокетокъ, въ которыхъ при случаѣ находится и сердечность, у г-жи Моравской есть въ полномъ размѣрѣ. Но именно эти-то роли и прошли мимо. Безусловно хорошо сыграны главные роли въ „Обществѣ поощренія скуки“ и съ достаточной силой передана на-

турщица въ „Статуѣ Сфинкса“. Двѣ разнородныя фигуры указываютъ, что дарованіе г-жи Моравской далеко не однообразно. Но... надъ поработать надъ природнымъ матеріаломъ, нужно сдѣлать дикию болѣе ясной, а жесты болѣе красивыми и болѣе умѣстными. Одинъ изъ послѣднихъ спектаклей, „Перекаты“ кн. Барятинскаго, утвердилъ насъ во мнѣніи, что г-жа Моравская артистка положительно интересная. Для аристократки Киссингеръ оказались въ наличности не только прекрасныя манеры и вѣрный тонъ, а и разнообразіе оттѣнковъ, ихъ тонкость и большой подъемъ въ драмѣ. Это еще разъ указало на какое-то недоразумѣніе въ саратовской карьерѣ актрисы.

Двѣ названныя артистки были для насъ новыми знакомыми. Г-жи Шебуева, Чарусская, Славатинская, Вадимова,—каждая изъ нихъ занимала свое первое положеніе и какъ хорошо знакомя—не требуютъ подробной характеристики. Позволительно однако указать на нѣкоторую однородность г-жи Чаруской. Въ первый годъ пребыванія этотъ дефектъ не былъ замѣтенъ по очень понятной причинѣ: въ каждой роли артистка не повторяла себя. Но группа фигуръ, находящихся въ вѣдомствѣ г-жи Чарусской, прошла передъ нашими глазами еще въ прошломъ сезонѣ. А нынче пришлось уже повторять тѣ-же пріемы, ту-же мимику, почти все тоже. Симпатичное дарованіе охватываетъ небольшой кругъ ролей.

Мужской персоналъ больше и въ качественномъ отношеніи такъ сказать законченнѣе. Гг. Ляровъ, Соболичиковъ, Строителей, Вадимовъ, Струйскій, Раковскій—актеры опытные, разносторонніе и видные.

Что касается г. Двинскаго, то онъ, прослуживъ два сезона, ничего новаго не показалъ въ сезонъ третій. Разумѣется, это хороший актеръ; но онъ гораздо лучше въ роляхъ характерныхъ, чѣмъ въ любовникахъ. Любовникъ однообразный. Разнообразіе типическихъ чертъ, различіе красокъ и пріемовъ артистическаго амплуа, которое формально за нимъ не числится. Новыми знакомыми были гг. Аяровъ, Струйскій и Раковскій. Первый игралъ много отвѣтственныхъ ролей и проявилъ умѣнье понимать и толковать свою задачу. Я избѣгаю скучнаго перечисленія ролей, и по возможности ограничиваюсь характеристикой артистовъ въ общихъ словахъ. О г. Аяровѣ, по моему, можно сказать такъ: актеръ съ большимъ репертуаромъ, всегда вдумчивый, всегда толковый; актеръ нынѣшней реальной школы, которая на первый планъ ставитъ—простою, безыскусственность. „Говори такъ, какъ пишешь“—рекомендовалъ Карамзинъ. Играй такъ, какъ живешь—рекомендуетъ эта школа; и г. Аяровъ ея правѣннѣйшій сторонникъ. Отличный, сдержанный комикъ г. Раковскій. Въ немъ нѣтъ буфонады покойнаго Нежданова, заразного смѣха бывшаго любимца Протасова, но въ немъ больше жизненной правды, больше типичности. Отсюда вытекаетъ невѣрное сужденіе, будто въ г. Раковскомъ мало яркости. Если подъ яркостью комиковъ разумѣть обиліе смѣхотворныхъ эффектовъ,—то совершенно вѣрно: Раковскій комикъ не яркий. Но онъ комикъ такой, какихъ много въ жизни, а не въ водевиляхъ. Г. Струйскій—фатъ. Фаты бываютъ конечно разные въ жизни и на сценѣ. Вотъ въ „Плодахъ просвѣщенія“ тоже фатъ и даже просто фатишка. Фатъ и Кречинскій. Но г. Струйскій не долженъ играть ни Вою ни Кречинскаго. Въ первомъ онъ не покажетъ торчеливой пустоты въ сердцѣ и необыкновенной легкости въ мысляхъ. Для Кречинскаго у него не хватаетъ внушительности, силы и пожалуй барства. Фатъ г. Струйскаго болѣе взрослый чѣмъ Вою, и много проще Кречинскаго. Сфера эта достаточно широкая и г. Струйскому всегда найдется что играть. Къ сожалѣнію опытный артистъ немножко рутинеръ въ пріемахъ. О гг. Строителей и Вадимовъ нечего распространяться. Актеры крупные и очень интересные. Ихъ мы знаемъ нѣсколько сезоновъ, они оставятъ намъ на память много образовъ живыхъ, законченныхъ съ наружной и внутренней стороны. Когда Курослѣповъ и гордончикъ въ „Горычемъ сердцѣ“ бесѣдуютъ у столика съ угощеніемъ, когда Строителей и Вадимовъ ведутъ эту сцену—она, эта сцена, художественна. Отъ времени до времени, какъ извѣстно, этотъ діалогъ украшается короткими фразами Курослѣповой въ живой передачѣ г-жи Шебуевой. Какое это великолѣпное мѣсто у Островскаго и съ какимъ мастерствомъ оно отдѣлано у нашихъ артистовъ! Не останавливаясь на дѣятельности въ нашемъ театрѣ гг. Михаленко, Дагмарова. Въ свое время мы объ нихъ писали какъ о полезныхъ и очень способныхъ членахъ труппы. Въ персоналѣ второстепенныхъ исполнителей выдвинулись гг. Буткова, Гойда и Гришинъ.

Общее заключеніе можно сдѣлать такое: нынѣшняя труппа сильнѣе прошлогодней. Главныя роли были предстательны болѣе ясно. Слабымъ мѣстомъ по прежнему являлся персоналъ вторыхъ и третьихъ силъ. Затѣмъ г. Соболичикову слѣдуетъ позаботиться объ обновленіи обстановочной части; не той, которая специально заготовляется для данной ходовой пьесы, а той, которая фигурируетъ въ видѣ павильоновъ, общихъ для цѣлаго ряда пьесъ.

Срокъ антрепризы г. Соболичикова кончается. Театральный комитетъ озабоченъ сдачей театра на будущій годъ. Заявленіе до сихъ поръ подано только двумя лицами: г. Струйскимъ и какимъ-то г. Кулида. Нынѣшній антрепренеръ, сколько

известно, не намѣренъ подавать заявленія. И въ прежнее-то время саратовскій театръ, по доходности, далеко уступалъ своему компаньону—театру казанскому, а теперь, съ постройкой Очкинского зданія, онъ окончательно пересталъ быть приманкой для предпринимателей. Намъ, видите ли, нужна не просто драма, а драма „сильная“; нужна не просто опера, а непременно „хорошая“ съ тысячами пѣвцами. Кромѣ того, мы желаемъ получать за театръ 8—9 тыс. на пополненіе городской кассы.

Кто польстится на насъ съ такими претензіями? Создалось, по правдѣ говоря, затруднительное положеніе: театръ необходимо сдать, а его никто не беретъ. Г. Струйскій, зная медлительность и претенціозность городскихъ правителей, поставилъ условіе, чтобъ ему отвѣтили не позже 6-го декабря. Подходящаго отвѣта нѣтъ. Что теперь будетъ съ нашимъ театромъ — неизвѣстно. Ясно одно, что мы должны забыть, по выраженію нѣмецкаго колониста, свое „самозабывство“. Должны быть значительно уступчивѣе. Оба.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

АРХАНГЕЛЬСКЪ. Въ Архангельскѣ, какъ и въ большинствѣ богоспасаемыхъ россійскихъ городовъ, имѣется, конечно, театръ и, конечно, скверный, не смотря даже на то, что онъ, какъ гласили объявленія новой антрепризы, „заново отдѣланъ“. Дѣйствительно, въ прошломъ году „публикѣ“ (по архангельски это значитъ: 5—6 человѣкъ) приходилось все время восклицать: „Посмотри: вонъ, вонъ играетъ!“

Таково было освѣщеніе сцены. Въ дождливое же и холодное время прибавлялся и второй стихъ:

„Дуетъ, плюетъ на меня!“

Теперь, слава Богу, этого нѣтъ. Театръ освѣщенъ „денатурированными“ спиртомъ, а среди залы въ особо торжественныхъ случаяхъ „возжигается“ сиротливо повѣшенный электрическій фонарь, который со скуки капризничаетъ и не желаетъ подчиняться инструкціямъ машиниста.

Впрочемъ, по сравненію съ... вѣчною и безконечною, все это пустяки.

Репертуаръ... О, антрепренеръ театра, г. Долиновъ, даетъ такой репертуаръ, о которомъ не смѣетъ мечтать даже наиболее воспаленное воображеніе: каждый день новая пьеса: „Пожаръ Москвы“, „Графъ де Ризооръ“, „На днѣ“, „Буреломъ“, „Заза“, „Дѣти Ванюшина“, „Уриель Акоста“, „Вишневы садъ“, „Катерина Маслова“, „Юлій Цезарь“, „Потонувшій Колоколь“ и т. д. и т. д.

Вѣдны артисты! Имъ приходится одолѣвать невѣроятное количество ролей и, хотя суфлеръ труппы обладаетъ прекраснымъ, отчетливымъ и чистымъ баритономъ, однако его реплики не всегда хорошо понимаются, и случается, что послѣ томительной паузы на сценѣ всѣ дѣйствующія лица подхватываютъ одну и ту же реплику, уподобляясь, такимъ образомъ, древнегреческому хору; говорю это не въ укоръ артистамъ: я полагаю, что осилить каждый день новую роль — это нѣчто, выходящее за предѣлы человѣческихъ способностей, особенно если принять въ вниманіе, что, должно быть, для поддержанія здоровья, артистамъ приходится придерживаться знаменитаго правила Д-ра Бюргаве: „держи голову въ холодѣ, желудокъ—въ голодѣ“.

Архангельская публика... Увы, это нѣчто такое, что не поддается никакому опредѣленію, это—нѣчто, напоминающее безконечныя архангельскія мертвыя тундры. Расшевелить нашу публику можно только однимъ: на всѣ лады приговоренной трескою, или, какъ здѣсь ее называютъ, „трещечкой“—до всего остального ей нѣтъ никакого дѣла. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, ея отношеніе къ той интеллигенціи, которая въ послѣдніе 1½ года „случайно“ жила въ Архангельскѣ: съ нею никто изъ обывателей (я не говорю, конечно, о полиціи) не поддерживалъ никакихъ отношеній; даже студенты — архангелогородцы, прѣзжая на каникулы домой, держались отъ „пришельцевъ“ на разстояніи пушечнаго выстрѣла...

Можно-ли при такихъ условіяхъ ожидать, чтобы архангельская публика интересовалась театромъ?

И дѣйствительно — такой безнадежной пустоты, какая наблюдается въ Архангельскомъ театрѣ, я никогда не видалъ! Представьте себѣ театръ, способный вмѣстить до 700—800 человѣкъ, и въ немъ человѣкъ 10—15 зрителей!.. Можно себѣ вообразить, какой „entrain“ господствуетъ на самой сценѣ!

Только необычайно счастливыя сочетанія условій способны привлечь публику. Такъ 6-го декабря, когда въ городѣ масса именинниковъ, когда поставлена такая пьеса какъ „Варооломѣвская ночь“, когда послѣ спектакля объявленъ маскарадный балъ съ серпантинами, конфетти, и проч. только при всѣхъ этимъ героическимъ средствахъ удалось собрать публику...

Артисты... Критиковать ихъ игру не смѣю. Если бы они

явились въ Архангельскъ съ цѣлью „насаждать“ здѣсь искусство, я бы, можетъ быть, рискнулъ охарактеризовать ихъ игру; но какъ подумаешь о томъ, какія обстоятельства гонять людей въ такую дыру, какъ Архангельскъ, какъ подумаешь, сколько труда несутъ они, чтобы отвоевать себѣ кусокъ черстваго хлѣба, то всякое желаніе „критиковать“ пропадаетъ.

Должно быть сценическое оупяненіе очень сладко, если изъ за него люди идутъ даже... на Архангельскую сцену!

Вѣдны, больные люди!.. М. Ю. Г.

ТИФЛИСЪ. Изъ пьесъ, поставленныхъ товариществомъ новой драмы, за послѣднее время, наибольшаго вниманія заслуживаетъ постановка „Смерти Іоанна Грознаго“. Болѣе выдержанную по стилю картину мрачной эпохи трудно дать. Со сцены пахло татарщиной. Весь фонъ трагедіи выраженъ колоритно и правдиво. И на этомъ фонѣ отдѣланная до мельчайшихъ деталей фигура Іоанна въ исполненіи г. Мейерхольда. Изъ всѣхъ ролей исполненныхъ г. Мейерхольдомъ до сихъ поръ, Іоаннъ безспорно лучшая.

Изъ остальныхъ исполнителей выдѣлялся г. Загаровъ—типичный Гарабурда. Слабѣ другихъ оказались исполнители роли Бориса Годунова—г.г. Селивановъ и Щепановскій.

„Смерть Іоанна Грознаго“ прошла пять разъ, при чемъ первые два раза съ аншлагомъ. На пятомъ представленіи трагедіи г. Мейерхольда замѣнилъ г. Россовъ, увы, къ невыгодѣ. Кромѣ „Смерти Іоанна Грознаго“ поставлены были пьесы за послѣднее время: „Возчикъ Геншель“, „Флиппотъ“, „Привидѣнія“, „Вѣчная любовь“, „Счастье въ уголкѣ“, „Родина“, „Огни Ивановой ночи“, „Дядя Ваня“. Въ послѣднихъ двухъ пьесахъ выдвинулась г-жа Волохова—Марика и профессорша въ „Дядѣ Ванѣ“. Было нѣсколько неудачныхъ спектаклей, какъ въ смыслѣ подбора отдѣльныхъ исполнителей, такъ и въ смыслѣ общаго ансамбля („Флиппотъ“, „Родина“). Объясняются же подобныя недочеты тѣмъ, что товарищество, какъ я уже писалъ, лишилось трехъ артистовъ, (г.г. Загарова, Шатерникова и Снѣгирева) призванныхъ въ армію, и пробѣлъ этотъ еще не пополненъ. Постановка „На днѣ“ вызвала невольное сравненіе съ прошлогодней Красовской постановкой. Нѣкоторыя роли въ труппѣ г. Красова исполнялись лучше, напримѣръ г. Влюменталь-Тамаринъ роль Пепла вель горячѣе, чѣмъ г. Щепановскій, правдивѣе была г-жа Терехова-Настя, теперъ г-жа Заварина. Ярче исполнялъ роль Яшки г. Горскій. За то въ труппѣ г. Мейерхольда превосходныхъ толкователей нашли роли: Сатина (г. Николаевъ), барона (г. Мейерхольдъ), актера (г. Пѣвцовъ), Бубнова (г. Костромской), Костылева (г. Канинъ), Анны г-жа Волохова. Что-же касается роли Луки (г. Нелидовъ), то я право затрудняюсь, кому изъ исполнителей отдать предпочтеніе—г. Расатову или г. Нелидову. Оба ведутъ эту роль своеобразно и интересно, г. Нелидову немного мѣшаетъ слишкомъ молодой голосъ.

Въ оперѣ, послѣ отъѣзда г-жъ Антоновой и Петровой-Званцовой, появились новая артистка: г-жа Эйхенвальдъ и Орель. Возобновлена старушка Фенелла, гдѣ очень хорошо г. Донской (Мазанелло). Постановлено „Алеко“. Эта опера шла года четыре тому назадъ, прошла всего лишь одинъ или два раза, и хорошо забыта публикой. А между тѣмъ по своимъ музыкальнымъ достоинствамъ, она могла-бы стать репертуарной наравнѣ со многими другими операми. Алеко поетъ г. Сперанскій и по обыкновенію молодой артистъ вдумчиво проводитъ свою партію. Недурна г-жа Викшемская-Земфира, выступающая крайне рѣдко. Писановъ.

РИГА. Самой интересной новостью является постановка на нашей сценѣ 30 ноября, 1 и 2 декабря „Дачниковъ“ М. Горькаго, подъ личнымъ наблюденіемъ автора. Пьесу ждали съ большимъ нетерпѣніемъ. Билеты на объявленные подрядъ три спектакля—еще небывалое въ Ригѣ явленіе—въ короткое время были распроданы, тѣмъ не менѣе еще много лицъ, даже изъ числа обычныхъ посѣтителей театра, не успѣло видать пьесу. „Дачники“ имѣли выдающийся успѣхъ, выразившійся не столько въ несчетномъ числѣ вызововъ автора, режиссера (г. Марджанова) и артистовъ, сколько въ томъ напряженномъ, нераздѣльномъ и любовномъ вниманіи, съ какимъ публика слушала и проникалась новымъ произведеніемъ. Первый и второй акты—настоящій калейдоскопъ—словно на зло старались разсѣивать зрителя, держали его въ какомъ то недоумѣніи; но мощные публицистическіе и поэтическіе аккорды третьяго и четвертаго дѣйствій уяснили глубокой смыслъ новой Горьковской пьесы и захватили весь зрительный залъ. Въ заключительной сценѣ третьяго дѣйствія, во время объясненія Марьи Львовны съ дочерью (Марья Львовна—г-жа Андреева, Соня—г-жа Лилина), у публики дрожали слезы на глазахъ. Такой же, можно сказать, стихійный успѣхъ имѣлъ также четвертый актъ, всѣ монологи этого акта.

Успѣху „Дачниковъ“ немало содѣйствовала также вся труппа г. Незлобина своимъ исключительнымъ отношеніемъ къ пьесѣ. К. Н. Незлобинъ за три года своей антрепренерской дѣятельности въ Ригѣ, вообще, насъ пріучилъ къ прекрасной сретеловкѣ, къ концертному исполненію, но на сей разъ дирекція и труппа, что называется, превзошли самихъ себя. Пьеса была поставлена вторымъ режиссеромъ труппы К. А. Марджановымъ, весьма талантливымъ и разностороннимъ че-

ловкомъ, вложившимъ всю душу въ это дѣло. Само собою разумѣется, что режиссеръ и артисты еще воспользовались непосредственными указаниями самого М. Горькаго, присутствовавшего на нѣсколькихъ репетиціяхъ. Пьеса шла, кажется, съ 25 репетицій. Всѣ играли хорошо, сочно, красочно. И гримъ, и костюмы, и безчисленные детали—все было типично, жизненно. Косноязычный докторъ Дудаковъ со своей мѣщанкой—женой (въ исполненіи г. Грузинскаго и г-жи Мравиной), озлобленный пошлякъ инженеръ Сусловъ и легкомысленная порхающая его супруга (г. Михайловскій и г-жа Теничъ), жизнерадостный пошлякъ адвокатъ Басовъ (г. Незлобинъ), пошлякъ—литераторъ Шалимовъ (г. Строгановъ, чудесный гримъ), пошлякъ—Замысловъ (г. Майковъ) въ исполненіи нашихъ артистовъ образовали настоящую живую галерею интеллигентной пошлости и мѣщанства. г-жа Андреева даетъ опредѣленный, привлекательный образъ истинно переводой женщины, убѣжденной ненавистницы всякой пошлости, смѣлой поборницы здравыхъ началъ жизни, обнаруживая въ то же время теплоту и мягкость. Яркими правильными штрихами нарисованъ образъ мятущейся Варвары Михайловны,—жены адвоката въ исполненіи г-жи Роксановой. То же слѣдуетъ сказать объ исполненіи ролей Рюмина (г. Харламовъ) и Власа (г. Зотовъ). Оба названные артиста вложили въ свои монологи много нѣжности и горячности. Г-жа Лилина дала очень трогательный симпатичный образъ Сони. Роль Калеріи въ исполненіи г-жи Пшесецкой, какъ и роль Двоеточія въ исполненіи опытнаго и талантливаго артиста г. Неронова вышли какъ будто менѣе ярко, чѣмъ остальные.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что въ не малой степени содѣйствовали успѣху „Дачниковъ“ чудныя декорации талантливаго декоратора русскаго театра художника Н. В. Игнатьева. Декорация третьяго акта (пикникъ на опушкѣ лѣса) художественный шедевръ.

4-е представленіе „Дачниковъ“ 8 декабря тоже далъ полный сборъ.

Любитель.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Съ 4 ноября начались бенефисы. Первымъ былъ бенефисъ г-жи Писаревой, избравшей „Да здравствуетъ жизнь“. Сборъ средній (около 500 р.). Приемъ теплый, съ подношениями. Бенефициантка въ роли Беаты мало меня удовлетворила. Не стояли на должной высотѣ и остальные исполнители, мало напоминая аристократовъ. Впрочемъ, съ вѣншей стороны спектакль былъ удаченъ. Вторымъ бенефисомъ былъ бенефисъ г. Агарева, поставившаго „Благодѣтели чело́вѣчества“ Филиппи и „Признаніе“. Сборъ хороший (800 р.). Приемъ шумный. Роль доктора Мартіуса проведена г. Агаревымъ хорошо. Артистъ, къ тому же, отрѣшился и отъ излюбленныхъ имъ театральнахъ позъ. Хороши были и его партнеры: г-жа Писарева, гг. Авловъ и Лирскій-Муратовъ. Въ „Признаніи“ впервые выступала г-жа Инсарова-Агарева, голосова средства невелики, мало и силы, но видна опытность. Третьимъ бенефисомъ былъ бенефисъ г-жи Кварталовой, поставившей новинку: „Ради счастья“ Пшебышевскаго и „Какъ они бросили курить“. Сборъ полный съ приставными стульями. Приемъ горячій и шумный. Роль Елены бенефицианткой проведена съ большимъ подъемомъ, особенно силенъ былъ 3 актъ. Въ исполненіи артистки много непосредственности, свѣжести и силы, хотя въ техническомъ отношеніи она актриса еще незаконченная. Г-жа Кварталова сдѣлалась всеобщей любимицей. Г-жа Писарева выдержанно играла Ольгу. Имѣли успѣхъ и гг. Агаревъ и Басмановъ.

Изъ другихъ новинокъ прошли: „Сегодня“, „Алчущіе и жажущіе“, „Благодѣтели чело́вѣчества“, „Кто правъ“. Кромѣ того, прошли: „Самозванецъ и царевна Ксенія“, „Борцы“, „Севастополь“, создавшій своеобразную полемику между г. Басмановымъ и авторомъ съ одной стороны и сотрудниками „Ниж. листка“ съ другой, въ которой объ стороны не поспурили на „милая“, но рѣзкія выраженія; „Блестящая карьера“, „Безприданница“, „Вишневый садъ“, „Дочь вѣка“, „Педагоги“. Лучше всего были поставлены и разыграны: „Блестящая карьера“, „Кто правъ“ и „Сегодня“, особенно послѣдняя, гдѣ роль Доры проведена г-жею Кварталовой (особенно сцена сумасшествія) съ большой силой. Наименѣе удачно прошли: „Безприданница“ и „Вишневый садъ“, прошедшія безъ настроенія, хотя удачны были поэтичная Аня (Кварталова), Фирсъ (г. Вербингъ), Трофимовъ (г. Лирскій-Муратовъ) и отчасти г-жа Миртова (Варя). Постановка же неудачная. Не могу не упомянуть еще, что г. Агаревымъ типично и сильно проведена роль Самозванца, а г-жею Писаревой „Дочь вѣка“. Г. Разинъ по прежнему однотоненъ и склоненъ къ шаржу, въ томъ же слѣдуетъ упрекнуть и г. Пеняева младшаго. На постановку спектаклей дирекціей обращается большее вниманіе сравнительно съ прошлымъ. Театральный комитетъ, какъ я уже писалъ, впервые пригласилъ въ свое засѣданіе по вопросу о сдачѣ театра представителямъ прессы въ лицѣ мѣстныхъ газетъ и рецензента „Театръ и Искусство“. Предложеніе объ антрепризѣ было 13. § 31 контракта съ г. Басмановымъ, гласящій, что „при добросовѣстномъ веденіи антрепризы (по заключенію Городской Думы) по истеченіи трехъ лѣтъ городская управа, по желанію прежняго арендатора, возобновляетъ съ нимъ договоръ на тѣхъ же условіяхъ на трехгодичный

срокъ“, почти рѣшилъ вопросъ о сдачѣ театра въ пользу г. Басманова. Дума безъ прений по докладу управы, основанному на заключеніи комитета, оставила театръ за г. Басмановымъ на 3 года, причемъ исключила § 31 изъ договора. Кромѣ того, освободила отъ 1500 р. расхода тѣмъ, что исключила изъ договора обязанность антрепренера сдавать ежегодно декораций на 1500 р., оставила на усмотрѣніе г. Басманова приглашать оркестръ или нѣтъ, такъ что условія аренды и безъ того выгодныя, стали еще прибыльнѣе. Мое предложеніе, что и безплатныя кресла для представителей печати должны даваться городомъ, санкціонировано Думой и внесено въ договоръ. Изъ остальныхъ предпринимателей засѣдающіе въ театральный комитетъ единогласно высказались за П. П. Медвѣдева и большинствомъ за гг. Соболичкова-Самарина, Струйскаго и Никулина. Поднимался мною вопросъ и объ образованіи репертуарной комиссіи. Веденіе дѣла г. Басмановымъ было признано „безусловно добросовѣстнымъ и заслуживающимъ полного одобренія“.

Въ Народномъ домѣ одна грусть. Играютъ любители. Послѣ спектакля танцы, привлекающіе милыхъ, но погибшихъ дамъ.

Н. Сафоновъ.

КЕРЧЬ. Зимній театръ. Антреприза О. П. Лавровской—Долинской и Б. А. Сабинина. Составъ труппы на 1 декабря: Г-жи Бронская, Лидина, Грузинская, Вельсинская, Волкова, Сабинина, Лавровская, Лидина. Г-да Мирскій, Загорскій, Галль-Савальскій, Лавриновичъ, Дружининъ, Казарскій, Волжанинъ, Арбенинъ, Сабининъ, Москвинъ. До ноября мѣсяца изъ труппы выбыли г. Муромцевъ, призванный на Дальній Востокъ, какъ офицеръ запаса, г. Сперанскій и Ремерсъ и г-жа Тургенева, какъ артисты, не могущіе быть полезными въ нашей труппѣ, дѣла которой ктати сказать не особенно хороши. Труппа значительно сильнѣе прошлогодней. Съ прїездомъ Г-на Б. Ю. Мирскаго (съ 5 ноября) режиссерская сторона не оставляетъ желать лучшаго и спектакли обставляются очень хорошо, много новыхъ декораций, мебели и бутафорій. Мѣстная пресса весьма сочувственно относится къ артистамъ и артисткамъ. Среди исполнителей выдѣляются г-жи Бронская, Лидина, (роли кокетъ), артистка опытная, Вельсинская—драмат. ingenue, служить сравнительно недавно на сценѣ— всего 4 годъ. Г. Мирскій, старый знакомый Керчи, служившій въ антрепризѣ М. А. Борисовой въ сезонъ 1900—1901 г.г. и пользующійся большимъ успѣхомъ. До прїезда г. Мирскаго было дано 22 спектакля: „Безправная“, „На жизненномъ пиру“, „Отравленная совѣсть“, „Непогребенные“, „Домашній столъ“, „Преступница“, „№ 13“, „Наши жены“, „Въ забытой усадьбѣ“, „Борцы“, „Гувернеръ“ (дебютъ Галль Савальскаго), „Блуждающіе огни“, „Рабство“, „Вишневый садъ“, „Нищіе“, „Превосходительный тестъ“, „Грядущій разсвѣтъ“, „Два міра“, „Снѣгъ“, „Трильби“, „Идиотъ“, „Безъ солнца“, съ 5-же ноября шли пьесы: „Ивановъ“, „Потемки души“, „Богатый чело́вѣкъ“, „Слѣдствіе“, „Владиміръ Заревскій“, „Лишенный правъ“, „Три сестры“, „Фея капризъ“, „Лебединая пѣснь“, „Гроза“, „Цыганка Занда“, „Красная мантия“, „Судебная ошибка“, „Въ гаграхъ“, (бенефисъ г-жи Лавровской) и „Мученица“. За ноябрь взято 1910 р. За октябрь 2181 р. Всего 4091 р. За два мѣсяца за 37 спектаклей на кругъ около 111 рублей. По пятницамъ Дирекція даетъ общедоступные спектакли и ставитъ пьесы, не шедшія раньше, т. е. не повторная и несмотря на все это сборы плохи. Жалованье артисты получаютъ своевременно.

А. И. Чайкинъ.

КУРСКЪ. Дѣла г. Погуляева идутъ сравнительно недурно и надо полагать, сезонъ, не смотря на общій упадокъ дѣлъ, будетъ законченъ если безъ прибыли, то и безъ дефицита. Объясняется это умѣлымъ веденіемъ дѣла и приличнымъ составомъ труппы съ хорошими персонажами: какъ г-жи Кордъ, Сербская, гг. Бернатовичъ, Ростовъ и самъ Погуляевъ. Репертуаръ не избитый, ставятся новинки, шедшія на сценахъ столичныхъ театровъ, а потому интересующія публику. „Катюша Маслова“ дала два хорошихъ сбора. Передѣлка „Преступленія и наказанія“, шедшая въ бенефисъ г. Ростова, дала полный сборъ. Г. Ростовъ получилъ цѣнный подарокъ. Хорошій сборъ дало „Ярмо“, но только благодаря анонсу, что дерекція проситъ воспитанниковъ и воспитаницъ учебныхъ заведеній не посѣщать спектакля.

Съ выдающимся успѣхомъ прошла историческая хроника „Лжедемитрій“, и „Свать“—поставленная при участіи автора. Публика устроила автору овацию. Пьеса оказалась интересной. Относится къ эпохѣ появленія Самозванца въ Россіи въ Сѣверскомъ краѣ и заканчивается въ Путивлѣ.

Г. Погуляевымъ снятъ зимній городской театръ на три года. Аренда первоначально была 5000 р. въ годъ, но въ виду добросовѣстнаго веденія дѣла г. Погуляевымъ уменьшили теперь арендную плату на 1000 р. Нѣкоторые изъ гласныхъ предполагаютъ внести въ думу предложеніе уменьшить плату за театръ на половину. Это будетъ болѣе чѣмъ справедливо: городъ нуждается въ разумномъ антрепризѣ; ни фарсовъ, ни оперетки г. Погуляевъ не ставитъ. Надо замѣтить, еще, что театръ, строился не на городскія суммы, а на пожертвованія гражданъ.

И. Курскій.

АДРЕСНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Барановъ, Пав. Грыг. Спб. Мойка, 61, кв. 54 мес. комн. Мухина.
Белорый (фатъ), В. И. Спб. 3-я Рождественская, 14, кв. 25.
Болосованъ, Соф. Феликс. Спб. Фонтанка, 85, кв. 67.
Браунъ, Ант. Степ. (Баритонъ). Спб. Никольскій пер., д. 4.
Дмитриевъ, Дм. Мих. Вильна, гор. театр.
Мальцовъ, Ник. Петр. Спб. Кабинетская, 17.
Мичигъ, Мих. Петр. Спб. Загородный, 12, кв. 33.
Рече, А. Ф. (ing. dr. и соп.). Спб. 3-я Роща, 14, кв. 25.
Сибуровъ, Сми. Фед. Москва, М. Дмитровка, 31.
Сидовина-Варымова, Мор. Ин. Спб. Фонтанка, 103, кв. 8.
Сергеевичъ, Андр. Зах. Москва, В.-Грязиниковск. пер. „Альгамбра“.
Судьбинина, Ин. Ин. Спб. Невскій, 51, кв. 103.
Харостовъ, Ин. Алексѣев. Спб. Николаевская, 57.
Иблочина, Пол. Спирал. Спб. Загород., 14, кв. 7.
Ильинъ, Копр. Ник. Спб. Ивановская, 3.

Репертуаръ

Спб. Императорскихъ театровъ.

съ 20-го декабря 1904 года по 3-е января 1905 года.

Александринскій театръ. 20-ю: „Крылья связаны“, 21-ю: „Жанна“, 22-ю: „Горячее сердце“, 26-ю утро: „Горе отъ ума“, вечер: „Винзорскія проказницы“, 27-ю утро: „Не въ свои сани не садись“, вечер: „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, 28-ю утро: „Старый закалъ“, вечер: „Въ мутной водѣ“, 29-ю утро: „Горячее сердце“, вечер: „Крылья связаны“, 30-ю утро: „Смерть Пазухина“, вечер: „Жанна“, 31-ю утро: „Благодѣтели челоѣчества“, вечер: „Послѣдняя жертва“, 1-ю января: „Крылья связаны“, 2-ю утро: „Ревизоръ“, вечер: „Калигула“.

Михайловскій театръ. 20-ю: „На всякаго мудреца довольно простота“, 21-ю: „Le Friquet“, 22-ю: „Соломенная шляпка“, 27-ю: Bénédicte de m-lle Alice Bernard, 28-ю: Spectacle français, 29-ю: „Les trois anabaptistes“, 30-ю: Spectacle français, 31-ю: „L'Escarade“, 1-ю января: „Frère Jacques“, 2-ю: „Frère Jacques“.

Маринскій театръ. 20-ю: „Травиата“ (г-жи Больска, Попозова; гг. Алчевскій, Карелинъ, Смирновъ, Фрей и др.); 21-ю: „Валкирія“ (г-жи Куза, Черкасская, Будкевичъ, Гладкая, Слатина; Ивановна, Славина, Носилова, Тугаринова, Панина, Довернуа; гг. Ершовъ, Серебряковъ и Касторскій); 22-ю: „Франческа да Римини“ (г-жи М. Фигнеръ Славина, Марковичъ; гг. Давыдовъ, Лабинскій, Тартаковъ, Шароновъ; 23-ю утро: „Анда“ (г-жи Куза, Марковичъ; гг. Ершовъ, Орловъ, Вухтояровъ, Фрей и др.); вечер: „Конекъ-Горбунокъ“, балетъ, 27-ю утро: „Пробужденіе флоры“, бал.; „На перепутьи“, бал., „Фея куколъ“, бал. Вечер: „Русланъ и Людмила“ (г-жи Больска, Гладкая, Славина, Панина; гг. Морской, Алчевскій, Серебряковъ, Касторскій, Вухтояровъ и др.); 28-ю утро: „Корсаръ“, бал. вечер: „Франческа да Римини“ (г-жи М. Фигнеръ, Славина, Марковичъ. гг. Давыдовъ, Лабинскій, Тартаковъ, Шароновъ и др.); 29-ю утро: „Евгеній Онѣгинъ“ (г-жи Черкасская, Тугаринова, Довернуа; гг. Лабинскій, Смирновъ, Титовъ, Касторскій и др.); вечер: „Раймонда“, бал.; 30-ю утро: „Спящая красавица“, бал.; вечер: „Валкирія“ (г-жи М. Фигнеръ, Черкасская, Будкевичъ, Гладкая, Слатина, Ивановна, Фриде, Носилова, Тугаринова, Панина, Довернуа; гг. Ершовъ, Шароновъ и Филипповъ; 31-ю утро: „Пробужденіе флоры“, бал.; „Пажита“, бал.; вечер: „Травиата“ (г-жи Больска, Попозова; гг. Давыдовъ, Карелинъ, Тартаковъ, Фрей и др.); 2-ю января: утро: „Тангейзеръ“ (г-жи Куза, Будкевичъ, Носилова; гг. Ершовъ, Карелинъ, Смирновъ, Шароновъ, Касторскій и др.); вечер: Тщетная предосторожность“, бал., 2-е д. бал. „Фанста“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КАЗАНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

(13-й годъ изданія).

Выходящій ежедневно, исключая послѣдипраздничные дни.

Условія подписки для иногороднихъ: на годъ—9 р., 1/2 года—5 р., 3 мѣс.—2 р. 25 к., 1 мѣс.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разорочка: при подпискѣ—3 р., 1 марта—3 р. и 1 июля—3 р.

Въ 1905 г. „Казанскій Телеграфъ“ будетъ выходить съ иллюстраціями, болѣе частыми, чѣмъ въ истекающемъ 1904 году. Предполагаемъ дать читателямъ не только иллюстраціи болѣе интересныхъ текущихъ событий, но и цѣлую серію рисунковъ на мѣстныхъ темы. Въ 1905 году въ „Казанскомъ Телеграфѣ“ будутъ напечатаны портреты современныхъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей Казани, Казанской губерніи и Поволжья.

Издательница А. Г. Ильинченко.

Редакторъ Н. А. Ильинченко.

Издающійся въ г. Таганрогѣ.

Таганрогскій Вѣстникъ.

XXIV г. изданія.

Подписная цѣна: Безъ доставки на 12 мѣс. 6 р., 11 м. 5 р. 50 к., 10 м. 5 р. 25 к., 9 м. 4 р. 75 к., 8 м. 4 р. 50 к., 7 м. 4 р., 6 м. 3 р. 50 к., 5 м. 3 р., 4 м. 2 р. 75 к., 3 м. 2 р. 25 к., 2 м. 1 р. 50 к., 1 м. 75 к.

Съ доставкой и пересылкой. На 12 мѣс. 7 р., 11 м. 6 р. 50 к., 10 м. 6 р., 9 м. 5 р. 50 к., 8 м. 5 р., 7 м. 4 р. 50 к., 6 м. 4 р., 5 м. 3 р. 50 к., 4 м. 3 р., 3 м. 2 р. 50 к., 2 м. 1 р. 85 к., 1 м. 1 р.

Загранично на 12 мѣс. 15 р., 6 м. 8 р. и на 3 м. 5 р. Допускается разорочка по соглашенію съ редакціею. Цѣна отдѣльному номеру 5 к.

Подписка принимается въ Таганрогѣ, въ конторѣ редакціи, Николаевскомъ ул., д. № 5. Тарифъ за объявленія: За строку петита или занимаемое ею мѣсто на 1 страницѣ за 1 разъ 20 к., за послѣдующіе 10 к., на 4-й страницѣ за 1-й разъ 10 к., за послѣдующіе 5 к. Сезонныя объявленія по соглашенію.

За разсылку при газетѣ объявленій отдѣльнымъ приложеніемъ взимается по 5 р. за 500 экз. и по 8 р. за 1000.

Редакторъ-издатель К. Д. Чумаченко.

„АПОЛЛО“

Театръ-концертъ.

Фонтанка, 13. Телефонъ № 1968.

Дирекція П. Я. ТЮРИНА.

Гастроли известной парижской труппы
La joie и célèbre

ЛУИЗЫ ФАЖЕТЪ.

Ежедневно большой артистическій концертъ-популярн и послѣднія атракціонныя новинки.

Дебютъ лучшихъ артистовъ и артистовъ первоклассныхъ заграничныхъ театровъ. Подробности въ афишахъ.

Режиссеръ А. А. Вадро.

ТЕАТРЪ „БУФФЪ“ ЗИМНІЙ.

(Бывшій Панаевскій). Дирекція П. В. Тумпакова.

Русская опера, оперетта, феерія и балетъ.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Театръ „ФАРСЪ“.

НЕВСКІЙ 56, домъ Г. Г. Елисѣева.

Телефонъ № 1492.

Товарищество артистовъ подъ главнымъ режиссерствомъ
В. А. КАЗАНСКАГО.

Составъ труппы: г-жи Турчи, Мосолова, Ручьевская, Запольская, Ларина и др.; гг. Гарявъ, Казанскій, Колесовъ, Клеманскій, Островскій, Пановъ и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НАНА 1-1

шаржъ въ 3-хъ д. соч. А. В. Шабельскаго. Музыка изъ лучшихъ шансонетъ. мотивовъ. Целзур. эка. и текст. клавирь (1-я скрипка) высыл. нал. пл. за 15 р. Спб. Крестовск. Остр. Константинов. пр. д. 11-13, кв. 3, автору.

ТЕАТРЪ НЕМЕТТИ

(на Петербургской сторонѣ, Зеленина улица).

Съ 26-го по 31-е Декабря 1904 года,

ГАСТРОЛИ БРАТЪЕВЪ

Роберта и Рафаила АДЕЛЬГЕЙМОВЪ

СЪ СОБСТВЕННОЙ ТРУППОЙ.

РЕПЕРТУАРЪ: 26-го Декабря—„БАЗНЬ“, соч. Ге.—27-го: „РАЗВОЙНИКИ“, соч. Шиллера.—28-го: „ТРИЛБИ“, соч. Ге.—29-го: „БАЗНЬ“, соч. Ге.—30-го: „ГАМЛЕТЪ“, соч. Шекспира.—31-го: „БАЗНЬ“, соч. Ге.

Предварительная продажа билетовъ съ 18-го Декабря, въ кассѣ театра, съ 10 час. утра до 5 час. дня и въ магазинѣ Трусовича, отъ 12 ч. до 5 ч. Невскій, 58 (домъ Елизавы, уг. Екатеринбургской). Цена билетовъ обыкновенная.

НОВАЯ ОПЕРА

подъ управленіемъ

князя А. А. Церетели.

Театръ Спб. Консерваторіи.

Въ воскресенье, 19-го декабря 1) „ПАЯЦЫ“, 2) „СЕЛЬСКАЯ ЧЕСТЬ“. Исполнять роли Недда и Сантуцца—солистка Ефо Вел. Императора Австр.—Джемма Беллинчioni, Каню—сол. Ефо Вел. Н. Н. Фигнеръ.—20-го: „ФАУСТЪ“. Маргарита—г-жа Джемма Беллинчioni.—21-го: „ГУГЕНОТЫ“. Рауль Н. Н. Фигнеръ.—22-го: Прощальный бенефисъ г-жи Джеммы Беллинчioni.—„ТРАВИАТА“.

Билеты на всѣ объявлен. спектакли продаются ежедневно въ кассѣ Новой Оперы (зданіе Спб. Консерваторіи) отъ 10 ч. у. до окончанія спектакля.

Театры Спб. Городского Попеч. о народной трезвости.

Народный Домъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 19-го декабря, „ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТЪ“.—20-го: „СЪ ПЛАХИ ПОДЪ ВЪНЕЦЪ“ (Крестьянка).—21-го: „ГРОЗА“.—22-го: „СЕВАСТОПОЛЬ“, (мать сыра-земля).

Готовятся къ постановкѣ: „Дарья Севастопольская“, соч. В. Протопопова. „Вій“, драматическая сказка (по Гоголю) со всей новой обстановкой.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (бывш. Стоклян. зав.).

Въ Воскресенье, 19-го декабря: „ЗА МОНАСТЫРСКОЙ СТѢНОЙ“ (Сестра Тереза). Зав. театр. частью А. Я. Алексѣевъ.

„ДРАМАТИЧЕСКІИ ТЕАТРЪ“

Зданіе „Пассажъ“ Итальянская, 19. Дирекція В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ.

Въ воскресенье, 19-го декабря: „ДАЧНИКИ“, сцены въ 4 д. соч. М. Горькаго. Варвара—Комиссаржевская. Нач. въ 8 час. веч.—20-го: „Авдотья на жизнь“, соч. С. Найденова.—21-го: „№ 13“, соч. С. Найденова. „Мастеръ“, соч. Вара, пер. Муравьевой.—22-го: „Таланты и поклонники“, соч. Островскаго.

ПРОКАТЪ

КОСТЮМОВЪ

ВЪ ПРОВИНЦІЮ

Бр. ЛЕЙФЕРТЪ. Спб. Караванная, 18.

будетъ возможенъ лишь тогда, когда накладные расходы по пересылкѣ удастся разложить на цѣлую группу театровъ.

Чтобы это осуществить, необходимо имѣть свидѣнія, какіе театры испытываютъ надобность въ прокатѣ костюмовъ, для какихъ пьесъ, въ какой періодъ сезона.

Просимъ не отказать въ сообщеніи этихъ свидѣній всѣхъ, кого это касается. Тогда будетъ организованъ такой прокатъ на возможно выгодныхъ и доступныхъ условіяхъ.

Семейный разладъ

драма С. Милонова, Сибирскъ, ч. 75 к. разаръшена 8 октября 1904 г.

ОПЕРНЫЙ ТЕАТРЪ

Харьковскаго Коммерческаго Клуба съ 7-го Марта 1905 г. свободонъ на весенній и зимній сезоны 1905—6 г. предложенія адресовать въ контору Харьковскаго Коммерческаго Клуба.

(Двадцать шестой годъ)

на ежемѣсячное литературно-политическое

Русская Мысль.

Условія подписки: съ дост. и пересылкой: на годъ 12 р., 9 м. 9 р., 6 м. 6 р., 3 м. 3 р., 1 м. 1 руб.

За границу: на годъ 14 р., 9 м. 10 р. 50 к., 6 м. 7 р., 3 м. 3 р. 50 к., 1 м. 1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольдцевъ и А. А. Кивенеттеръ.

Адресъ редакціи: Москва, Баганьков. пер., домъ Куманина.

Редакторъ-Издатель В. Лавровъ.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ отъ кашля и отъ дѣленія мокроты

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Сомадени въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая 33. Цѣна металл. кор. 25к. Мал. кор. 15к.

Продается всадѣ.

6081

13-4

Вышли изъ печати:

„РАБЫ“, п. въ 4 д. И. Платона (ближ. пост. Московскаго Нового театра).

„ЖАРЪ ПТИЦА“, ком.-шутка въ 4 д. В. О. Трахтенберга. (Новинка театра Корша).

„КРЫЛЬЯ СВЯЗАНЫ“, И. Потапенко.

„ВЕСЕННИЙ ПОТОМЪ“, п. въ 4 д. Косорова.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„Даша Севастопольская“

историческій этюдъ въ 2 дѣйствіяхъ В. Протопопова.

(Ближ. новинка Народ. дома Импер. Николая II).